

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Дайджест новостей правового регулирования банкротства */май - июнь 2018 года/*

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА.....	4
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	5
1. Законопроекты	5
2. Громкие банкротства.....	6
Банки 6	
Строительство 6	
Торговля 6	
Услуги 6	
Транспорт, инфраструктура 6	
Банкротство физических лиц 6	
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	6
Процессуальные вопросы разбирательства дела о банкротстве. 6	
Возбуждение дела о банкротстве. 12	
Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве. 15	
Оспаривание сделок должника. 22	

Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков. 29

Банкротство граждан. 33

Банкротство застройщиков. 34

Прочие вопросы. 36

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА: 39

1. Монографии..... 39

2. Статьи..... 39

Журнал "Арбитражная практика для юристов" 39

Журнал "Юрист компании" 40

Журнал "Вестник экономического правосудия" 40

Журнал "Закон" 40

Журнал "Хозяйство и право" 40

3. Блоги 40

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Представляем вам 17-й выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства за май и июнь 2018 года.

Наверняка, большую часть читателей он застанет во время или в преддверии долгожданного курортного сезона. Надеюсь, что представленный материал поможет тем, кто не в силах долго лежать под палящим солнцем в одной позе без дела.

Номер получился по-настоящему отпускным, есть, что почитать (очень много интересных публикаций и статей), есть, о чем подумать (реализуется законодательная инициатива по ограничению Агентства по страхованию вкладов в правах, исключив возможность его участия в качестве кредитора в принятии решений на собраниях (комитетах) кредиторов), немало материала для собственного правового анализа и критического осмысления.

Главными темами стали "Субординация требований контролирующих должника лиц при банкротстве", и "Стандарты доказывания при рассмотрении требований кредиторов о включении в реестр", поводом для этого стали [Определение ВС РФ от 04.06.2018 г. № 305-ЭС18-413](#) и [Определение ВС РФ от 07.06.2018 г. № 305-ЭС16-20992\(3\)](#). Остальные представленные в подборке акты также заслуживают внимания.

Желаем приятного летнего отдыха!

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- На нашем сайте опубликовано расписание образовательных [дневных мероприятий](#), [онлайн семинаров](#) и [вечерних курсов](#) Юридического института «М-Логос» на второе полугодие 2018 г.

Среди прочего, приглашаем подписчиков Дайджеста принять участие в следующих семинарах и курсах: Четырехдневный семинар [« Практика применения законодательства о банкротстве: новеллы законодательства, судебная практика и актуальные правовые вопросы»](#) (Москва, 19-22 ноября 2018 г., формат обучения – дневной).

Четырехдневный семинар повышения квалификации [«Субсидиарная ответственность при банкротстве: новеллы законодательства и актуальная судебная практика»](#) (Москва, 17 – 18 декабря 2018 г., формат обучения – дневной).

Онлайн-программа повышения квалификации [«Подготовка и ведение судебных дел: тактика и стратегия, навыки судебного представительства, работа с доказательствами, процессуальные вопросы» \(50 ак. часов\)](#) (Онлайн семинар, 24.09-02.11.2018г., формат обучения- онлайн)

Онлайн-программа повышения квалификации [«Практика применения законодательства о банкротстве: новеллы законодательства, судебная практика и актуальные правовые вопросы» \(48 ак. часов\)](#) (Онлайн семинар, 12.11-19.12.2018г., формат обучения- онлайн)

Долгосрочная программа повышения квалификации [« Ведение судебных споров: тактика, стратегия, доказательства, риторика и процесс \(96 ак. часов\)»](#) (Москва, 25.09-22.11.2018 г., формат обучения – вечерний).

Долгосрочная программа повышения квалификации [« Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения \(68 ак. часа\)»](#) (Москва, 21.02.-02.04.2019г., формат обучения – вечерний).

- На сайте электронного издательства М-Логос www.m-lawbooks.ru доступны для скачивания в электронном формате первый и второй тома в рамках издаваемой М-Логосом серии комментариев к гражданскому законодательству #Глосса. Первый том, посвященный общим положениям об обязательствах и договорах, был опубликован в 2017 году. Второй, посвященный нормам ГК о сделках, представительстве и исковой давности, вышел в 2018 году. Оба тома опубликованы под общей ред. А.Г. Карапетова. Авторский коллектив включает ведущих российских цивилистов: В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, А.А. Громов, А.Г. Карапетов, Д.В. Новак, А.А. Новицкая, А.А. Павлов, Е.А. Папченкова, А.И. Савельев, С.В. Сарбаш, Д.О. Тузов и другие.

Осенью 2018 года ожидается выход еще двух томов из данной серии: один - с подробными комментариями к нормам ГК о наследственном праве, второй - к нормам ГК о займе, кредите, счете, вкладе, факторинге и эскроу.

- На сайте www.m-lawbooks.ru доступна покупка видеозаписи курсов [«ДОГОВОРНОЕ ПРАВО: актуальные практические вопросы»](#) и [«ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ И ВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ДЕЛ»](#). Вы можете купить как курсы в целом, так и отдельные видеолекции по конкретным темам. Видеолекции можно смотреть на любом устройстве (ПК, ноутбук, планшет и даже смартфон). К каждой видеолекции прилагается значительный объем материалов для дополнительного чтения.

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за май 2018 года](#)

[Дайджест новостей процессуального права за май 2018 года](#)

[Дайджест новостей антимонопольного права за март - апрель 2018 года](#)

[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за март - май 2018](#)

[Дайджест новостей российского и зарубежного налогового права за январь – март 2018 г.](#)

- На сайте Юридического института «М-Логос» опубликованы видеозаписи, а также тезисы докладчиков научных круглых столов, который Институт организовал в мае – июне 2018 г.:

[Научно-практический круглый стол «ЧИСТЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УБЫТКИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ \(case-study\)»](#)

[Научно-практический круглый стол «ЧИСТЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УБЫТКИ В ЗАРУБЕЖНОМ И РОССИЙСКОМ ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ \(приглашенный гость – профессор Мауро Буссани\)»](#)

[Научно-практический круглый стол «ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ»](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законопроекты

[**Законопроект № 441842-7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации \(в части совершенствования правового регулирования отдельных требований кредиторов в делах о банкротстве кредитных организаций\)"**](#)

Дата внесения: 13.04.2018

Инициатор: Правительство Российской Федерации

Комитеты: Комитет Государственной Думы по финансовому рынку

Статус: законопроект принят в первом чтении (21.06.2018 г.)

Из пояснительной записки к законопроекту:

Проектом федерального закона предлагается ограничить Агентство по страхованию вкладов (далее – Агентство) в правах, исключив возможность его участия в качестве кредитора в принятии решений на собраниях (комитетах) кредиторов, в том числе через уполномоченный орган (ФНС России). Предлагаемый подход позволит более корректно решить проблему конфликта интересов, возникающего при совмещении Агентством функций конкурсного управляющего (ликвидатора) кредитной организацией и ее кредитора. Данная мера также позволит перераспределить голоса на собраниях кредиторов в пользу наименее защищенной категории кредиторов - кредиторов третьей очереди, включая субъектов малого предпринимательства.

Одновременно законопроектом предлагается предоставить возможность включения требований Агентства в реестр требований кредиторов независимо от даты его закрытия.

[**Законопроект № 383208-7 "О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации \(о реформе процессуального законодательства\)"**](#)

Дата внесения: 07.02.2018

Инициатор: Правительство Российской Федерации

Комитеты: Комитет Государственной Думы по финансовому рынку

Статус: законопроект принят в первом чтении (13.06.2018 г.)

Из пояснительной записки к законопроекту:

В ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ предлагается внести ряд изменений общего характера, призванных модернизировать сходные процессуальные институты и правовые нормы, регулирующие порядок рассмотрения гражданских и административных дел в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах. Кроме того, проект содержит изменения отдельных положений кодексов об особенностях рассмотрения некоторых категорий дел, а также вносит изменения корреспондирующего характера в некоторые федеральные законы.

Разработчики проекта полагают, что в условиях новых правовых реалий формирование предметов ведения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, объединенных конституционной компетенцией Верховного Суда Российской Федерации, должно производиться посредством института подсудности с использованием его отличительных особенностей.

В целях реализации данного предложения законопроект исключает из кодексов, а также из некоторых федеральных законов (*в т.ч. из ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)") термин "подведомственность" применительно к разграничению полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Согласно предложенным изменениям по общему правилу все судебные решения, принятые по делам, рассмотренным в порядке гражданского судопроизводства, будут состоять из вводной и резолютивной частей. В полном объеме такие решения изготавливаются только по заявлению участвующих в деле лиц, их представителей, в случае подачи апелляционной жалобы, а также в случаях, установленных законом. Кроме того, мотивированное решение может быть составлено по инициативе самого суда.

В целях защиты прав граждан и организаций законопроект выделяет определенные категории дел, наиболее значимые с точки зрения социальной и экономической направленности, по которым составление мотивированного решения всегда будет являться обязательным (проектируемые часть вторая статьи 199 ГПК РФ, часть 6 статьи 176 АПК РФ). К ним, в частности, законопроект относит дела, связанные с защитой прав детей; дела о выселении граждан из жилых помещений без предоставления других жилых помещений; дела о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц; дела о защите пенсионных прав; *дела о банкротстве*; дела по корпоративным спорам; дела, относящиеся к подсудности Суда по интеллектуальным правам и ряд других дел.

2. Громкие банкротства

Банки

[АСВ ликвидировало банк "Эльбин"](#)

["АктивКапитал Банк" признан банкротом](#)

Строительство

[В компании Олега Дерипаски прекратилось банкротство](#)

Торговля

[Суд по иску Сбербанка обанкротил компании крупного автодилера](#)

[Российская "дочка" Vertu обанкротилась](#)

Услуги

[МТС-банк банкротит структуры "Люксора"](#)

Транспорт, инфраструктура

[ВИМ-Авиа приземлилась: с компании взыщут 19 млрд рублей](#)

Банкротство физических лиц

[АСГМ вернул Lexus сына Черномырдина его кредиторам](#)

[АСГМ признал банкротом бывшего владельца банка "Траст"](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

Процессуальные вопросы разбирательства дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 07.05.2018 г. № 309-ЭС14-2050](#)

Определение о признании недействительной сделки может быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам, если признание сделки недействительной было мотивировано мнимостью сделки, а в более позднем судебном акте, принятом с участием лиц, имеющих возможность раскрыть ранее скрытые доказательства, установлен факт реального исполнения сделки.

В данном случае приоритет должен иметь судебный акт, наиболее полно учитывающий все фактические обстоятельства, в том числе те, которые ранее недобросовестно скрывались от суда и от контрагента по оспоренной сделке.

В рамках банкротства металлургического завода признан недействительным кредитный договор 29.06.2012 г., исполненный Банком, применены последствия его недействительности: с банка в конкурсную массу взысканы 168 856 302,93 руб. (сумма процентов за пользование кредитом, полученная банком).

Впоследствии правопреемник Банка обратился с заявлением о пересмотре судебного акта о признании указанного кредитного договора недействительным по вновь открывшимся обстоятельствам. Судами трех инстанций правопреемнику Банка отказано.

Судебная коллегия сочла необходимым удовлетворить заявление правопреемника Банка о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам и направить спор о признании кредитного договора недействительным на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В рамках банкротства Торгового дома "Эстар" признаны обоснованными требования Банка на сумму 2,164 млрд. руб., вытекающие из кредитных договоров 2008 года. Банк также предъявил требования, вытекающие из указанных кредитных договоров 2008 года, и к поручителю, также находящемуся в банкротстве, – металлургическому заводу (предыдущее дело о банкротстве металлургического завода). Требования признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов завода-поручителя.

Указанное дело о банкротстве завода было прекращено в связи с утверждением мирового соглашения.

Вскоре после заключения мирового соглашения Банк (цедент) уступил аффилированной с ним Компании (цессионарию) требования к торговому дому "Эстар" (заемщику) и обеспечивающие их требования к поручителю (металлургическому заводу) по договорам цессии от 17.09.2010.

В свою очередь, Компания (цедент) переуступила данные требования Обществу "Металлург-Траст" по договорам цессии от 24.09.2010.

По первому делу о банкротстве металлургического завода произведена процессуальная замена Банка "Петрокоммерц" как конкурсного кредитора на правопреемника – общество "Металлург-Траст".

В связи с завершением конкурсного производства Торговый дом "Эстар" (заемщик) был 21.06.2012 ликвидирован.

Как установили суды при первоначальном рассмотрении дела, 29.06.2012 участники спорных отношений осуществили следующие операции:

- Банк предоставил вышедшему из банкротства металлургическому заводу новый кредит в размере 2 783 847 156,35 руб. по кредитному договору 2012 года, поручителем по которому выступил Варшавский В.Е.;
- металлургический завод перечислил данную сумму обществу "Металлург-Траст" со ссылкой на оплату по договору поставки от 20.08.2010;
- общество "Металлург-Траст" эту же сумму перечислило Компании, в том числе в счет оплаты по договорам цессии от 24.09.2010;
- Компания перечислила Банку 2 719 801 000 руб. в счет оплаты по договорам цессии.

В настоящем (втором по счету) деле о банкротстве металлургического завода требования Банка включены в реестр требований кредиторов, основанные на кредитном договоре 2012 года.

Удовлетворяя заявления управляющего о признании недействительным кредитного договора 2012 года, суд констатировал неисполнение обществом "Металлург-Траст" принятых по договору поставки 2010 года обязательств по передаче товара металлургическому заводу, за который последний безосновательно уплатил названному обществу 2,720 млрд. рублей, учел проведение в один день расчетных операций по выдаче кредита, погашению задолженности за якобы поставленный товар, по оплате уступленных требований, которые привели к возврату банку почти всей суммы, выданной в качестве кредита. Исходя из этого суд счел, что фактически в рамках кредитного договора 2012 года финансирование не было предоставлено металлургическому заводу, то есть произошло увеличение размера имущественных требований к нему без реальной передачи кредитных ресурсов, и квалифицировал названный кредитный договор как притворную сделку и сделку, совершенную в целях причинения вреда имущественным интересам кредиторов металлургического завода.

Впоследствии сославшись на то, что вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции от 18.08.2016 установлен факт реальной поставки обществом "Металлург-Траст" товара металлургическому заводу по договору поставки 2010 года, банк "Открытие" обратился с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения суда первой инстанции от 16.12.2014 о признании недействительным кредитного договора и о применении последствий его недействительности.

Отказывая в удовлетворении заявления правопреемнику Банка, суды не учли следующего.

В рассматриваемом случае единственным основанием для признания кредитного договора 2012 года недействительной сделкой послужил вывод суда первой инстанции о том, что заемные средства по указанному договору в действительности не были предоставлены металлургическому заводу (заемщику). Данный вывод, в свою очередь, базируется на констатации отсутствия реальных хозяйственных операций металлургического завода по приобретению товара у общества "Металлург-Траст" по договору поставки 2010 года. Именно это позволило суду квалифицировать действия, связанные с выдачей и получением кредита, как действия, направленные на участие в бестоварной и безденежной схеме с целью безосновательного наращивания долговых обязательств металлургического завода без получения реального встречного предоставления со стороны банка "Петрокоммерц" и причинение тем самым вреда кредиторам упомянутого завода.

Следовательно, обстоятельства, относящиеся к мнимости договора поставки 2010 года, являлись существенными для суда первой инстанции при принятии им решения о признании кредитного договора 2012 года недействительным. В ситуации реальных отношений по поставке кредитная сделка не была бы признана недействительной по тем мотивам, которые указал суд в определении.

При этом ни Банк, ни его правопреемник, не будучи сторонами договора поставки 2010 года, не могли знать об истинных обстоятельствах исполнения данной сделки, выяснить их.

Факт аффилированности названных кредитных организаций (Банка и его правопреемника) с участниками правоотношений по поставке не был установлен судами. Наоборот, из определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2017 № 305-ЭС16-20387 видно, что связанными лицами являлись металлургический завод и общество "Металлург-Траст": они входили в группу компаний "Эстар", конечным бенефициаром которой являлся Варшавский В.Е. Последний предоставил обеспечение по кредитному договору 2012 года в виде поручительства. Таким образом, участвующие в поставке лица при оспаривании кредитной сделки не были заинтересованы в раскрытии информации, отражающей действительное положение дел с исполнением договора поставки 2010 года.

В дальнейшем кредитор металлургического завода, ссылаясь на обстоятельства, положенные в обоснование судебного акта арбитражного суда о признании недействительным кредитного договора 2012 года, обратился в суд общей юрисдикции с иском о признании договора поставки 2010 года мнимым и о применении последствий его недействительности в виде взыскания с общества "Металлург-Траст" денежных средств, полученных по данному мнимому договору.

В ходе рассмотрения дела судом общей юрисдикции металлургический завод в лице того же конкурсного управляющего, который оспаривал кредитный договор 2012 года, и общество "Металлург-Траст" с иском не согласились, заявили возражения. Суд общей юрисдикции в удовлетворении данного иска отказал, указав на реальный характер поставки (фактическую отгрузку металлопродукции железнодорожным транспортом и получение ее на условиях самовывоза), сославшись на накладные, справки, акты сверки и другие документы, тома дела, в которых они находятся.

Тем самым возникла неординарная ситуация существования двух противоречащих друг другу судебных решений. С одной стороны, металлургический завод в арбитражном процессе противопоставил требованию Банка об исполнении кредитных обязательств мнимость договора поставки, опровергнуть которую кредитная организация ранее объективно не могла. С другой стороны, связанное с металлургическим заводом лицо освобождено судом общей юрисдикции от возврата полученного по тому же договору на основании раскрытых позднее документов, свидетельствующих о реальном исполнении договора поставки.

Для исправления возникшей ситуации судам следовало применить установленную гл. 37 АПК РФ процедуру пересмотра определения арбитражного суда по вновь открывшимся обстоятельствам, имея в виду, что из двух судебных решений приоритет должен иметь судебный акт суда общей юрисдикции как акт, который наиболее полно учитывает все обстоятельства, в том числе те, что ранее недобросовестно скрывались от арбитражного суда и Банка (его правопреемника) в целях неисполнения договорных обязательств и получения необоснованных преимуществ группой "Эстар".

[Определение ВС РФ от 21.05.2018 г. № 305-ЭС17-22653](#)

Заявление санлируемого банка о признании недействительной сделки данного банка по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, совершенной с физическим лицом, подведомственно арбитражному суду, потому как вопросы, касающиеся осуществления судебного

контроля за санацией банков, относятся к исключительной компетенции арбитражных судов как вытекающие из отношений несостоятельности.

Находящийся в процедуре санации банк обратился к Ручьеву А.В. с иском о признании недействительным дополнительного соглашения № 1 к договору поручительства.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано, судами апелляционной инстанции и округа производство по делу прекращено.

Судебная коллегия полагает необходимым отменить судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанции и направить дело для рассмотрения по существу в суд апелляционной инстанции.

Судом первой инстанции установлено, что 08.11.2010 между банком и Обществом заключен кредитный договор, по условиям которого банк предоставил заемщику кредит в размере 90 500 000 руб. В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору Ручьев А.В. заключил с банком договор поручительства. Дополнительным соглашением № 1 к договору поручительства установлено, что договор поручительства вступает в силу со дня его подписания и действует до 06.03.2015.

Приказом Банка России от 25.02.2015 в банке введена временная администрация в лице ГК АСВ на 6 месяцев до 25.08.2015.

Разрешая спор, суд первой инстанции согласился с доводами банка-истца о нарушении прав кредиторов банка оспариваемым дополнительным соглашением, в связи с чем счел, что у сделки имеются основания недействительности, предусмотренные ст. 61.2 Закона о банкротстве, однако отметил, что право на оспаривание сделки по подобному основанию возникло с момента назначения временной администрации, то есть с 25.02.2015. Поскольку требование о признании оспариваемой сделки недействительной было заявлено 24.08.2016, суд по заявлению ответчика применил исковую давность и отказал в удовлетворении иска (п. 2 ст. 181 и п. 2 ст. 199 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что в силу положений ст.ст. 27 и 28 АПК РФ настоящий спор неподведомствен арбитражным судам, так как ответчиком является физическое лицо, в связи с чем прекратил производство по делу.

По вопросу о наличии у арбитражных судов компетенции на рассмотрение настоящего спора судами апелляционной инстанции и округа не учтено следующее.

Независимо от статуса участника спорного правоотношения арбитражный суд рассматривает дела, поименованные в ч. 6 ст. 27 АПК РФ.

По смыслу абз. 12 ст. 2, ст. 31 и 189.9 Закона о банкротстве санация (меры по предупреждению банкротства) представляет собой одну из предбанкротных процедур, являющихся неотъемлемой частью отношений, связанных с несостоятельностью кредитных организаций.

Таким образом, вопросы, касающиеся осуществления судебного контроля за санацией банков, относятся к исключительной компетенции арбитражных судов как вытекающие из отношений несостоятельности (п. 1 ч. 6 ст. 27 АПК РФ). Аналогичный вывод содержится в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2016 № 305-ЭС16-4051, от 27.10.2017 № 305-КГ17-9802.

Организациям, в отношении которых осуществляются подобные меры по предупреждению банкротства, законодательно предоставлена возможность оспорить причинившие их кредиторам вред сделки, совершенные до начала санации, по правилам главы III.1 Закона о банкротстве (п. 11 ст. 189.40 Закона).

Наличие подобной возможности обусловлено следующим. Перед санацией кредитная организация, как правило, объективно испытывает финансовые сложности (которые с экономической точки зрения и являются поводом к инициированию соответствующей процедуры). Осведомленность о таких сложностях и разумное прогнозирование очевидных экономико-юридических последствий (предупреждение несостоятельности или банкротства) может способствовать принятию менеджментом (иными органами управления) банка в нарушение нормальных бизнес-процессов недобросовестных решений о выводе оставшихся активов, об оказании предпочтения в удовлетворении требований некоторым из клиентов, в том числе так или иначе аффилированным с банком, либо о причинении вреда банку и его кредиторам иным образом (включая уменьшение объема обязательств своих контрагентов).

В связи с этим механизм оспаривания подозрительных и преференциальных сделок направлен на компенсацию негативных последствий влияния поведения предыдущего руководства банка на его хозяйственную деятельность в преддверии санации. Предъявление соответствующих требований

фактически является составной частью реализации новым руководством (назначенным после введения санации) Плана по предупреждению банкротства, направленного на восстановление платежеспособности кредитной организации в интересах, в первую очередь, его клиентов, а также и всего банковского сектора экономики (определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2018 № 305-ЭС17-13572).

Как указано выше, 25.02.2015 Комитетом банковского надзора Банка России утвержден План участия ГК АСВ в осуществлении мер по предупреждению банкротства банка.

Обращаясь с настоящим иском, банк полагал, что оспариваемое дополнительное соглашение к договору поручительства нарушает права его кредиторов, причиняет им вред и носит нетипичный характер.

В рамках судебного контроля спорная сделка подлежала проверке на предмет действительности исходя из специальных банкротных оснований с применением ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве. При этом в случае если бы не осуществлялись меры по предупреждению банкротства, банк бы не имел права обратиться с подобным требованием.

Учитывая тот факт, что инициирование судебного разбирательства непосредственно связано с санационной деятельностью нового менеджмента банка, настоящее дело подлежит рассмотрению исключительно в арбитражном суде.

[Определение ВС РФ от 21.05.2018 г. № 305-ЭС17-21937](#)

Заявление кредитора о включении его требования в реестр требований кредиторов должника-гражданина в процедуре реструктуризации долгов не может быть оставлено без рассмотрения на том основании, что имеется неприостановленное исковое производство по тому же требованию, если кредитор явно выразил волю на рассмотрение его требований в деле о банкротстве (например, направил в соответствующий суд ходатайство о приостановлении искового производства).

В рамках дела о банкротстве гражданина в процедуре реструктуризации долгов Банк обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника 3 340 009 869 руб. 36 коп. задолженности по договору поручительства.

Судами трех инстанций заявление оставлено без рассмотрения применительно к ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

Судебная коллегия полагает, что судебные акты по настоящему спору подлежат отмене.

В обоснование требования о включении в реестр банк указал на наличие у гражданина-должника задолженности по договору поручительства, заключенному во исполнение обязательств АО "Святогор" перед банком по кредитному договору.

Судами установлено, что в производстве суда общей юрисдикции находится дело по аналогичному требованию банка к должнику о взыскании задолженности. Производство по делу приостановлено в связи с проведением судебной экспертизы.

Банком в суд общей юрисдикции представлено ходатайство о приостановлении производства по указанному делу.

При этом суды нижестоящих инстанций, оставляя требования Банка без рассмотрения, указали, что представление ходатайства о приостановлении производства по делу за пять дней до судебного разбирательства в арбитражном суде первой инстанции не может свидетельствовать о безусловном его удовлетворении судом общей юрисдикции, учитывая невозможность его разрешения до возобновления приостановленного по иному основанию производства.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно ст. 213.11 Закона о банкротстве с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации его долгов исковые заявления, которые предъявлены не в рамках дела о банкротстве гражданина и не рассмотрены судом до даты введения реструктуризации долгов гражданина, подлежат после этой даты оставлению судом без рассмотрения (абз. 3 п. 2 ст. 213.11).

Данные положения абз. 3 п. 2 ст. 213.11 Закона о банкротстве не применяются к исковым заявлениям, производство по которым возбуждено до 1 октября 2015 года и не окончено на эту дату. Рассмотрение указанных заявлений после 1 октября 2015 года продолжает осуществляться судами, принявшими их к своему производству с соблюдением правил подсудности (п. 49 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан").

Таким образом, исковое заявление банка, производство по которому возбуждено судом общей юрисдикции после 01.10.2015, с даты введения реструктуризации долгов гражданина подлежит безусловному оставлению без рассмотрения.

Неправильное применение судами к рассматриваемой ситуации разъяснений, содержащихся в п.п. 28 и 29 постановления № 35, поставило реализацию банком своих прав в процедуре банкротства должника в зависимость от процессуальной невозможности рассмотрения судом общей юрисдикции поданного в соответствии с названными разъяснениями ходатайства, что недопустимо.

Исходя из данных разъяснений, подача кредитором в исковом производстве ходатайства о приостановлении или прекращении производства по делу свидетельствует о его волеизъявлении в выборе дальнейшего способа защиты права и сама по себе служит достаточным основанием для рассмотрения его требования в рамках дела о банкротстве.

Банк совершил необходимое процессуальное действие (подал в суд общей юрисдикции ходатайство о приостановлении искового производства).

[Определение ВС РФ от 24.05.2018 г. № 305-ЭС14-2707\(16\)](#)

При рассмотрении заявления об изменении способа исполнения судебного акта о признании недействительной сделки должника (с возврата полученного по сделке имущества на взыскание денежных средств с контрагента) судам надлежит установить стоимость подлежащего возврату по недействительной сделке имущества.

В таком случае суд не может принимать во внимание лишь максимальную ориентировочную стоимость имущества, не учитывая при этом более низкой стоимости имущества, приведенной контрагентом по сделке.

В рамках дела о банкротстве должника вступившим в силу определением суда от 27.03.2014 г. удовлетворено заявление конкурсного управляющего о признании договора купли-продажи земельного участка, заключенного между должником и обществом, недействительным и применении последствий его недействительности. Суд обязал общество возвратить полученное по сделке имущество в конкурсную массу, а также восстановил последнему право требования с должника задолженности в сумме 35 000 рублей.

Впоследствии судами трех инстанций удовлетворено заявление управляющего об изменении способа исполнения определения от 27.03.2014 г. путем взыскания с общества в пользу должника денежных средств в размере 1 100 000 рублей, составляющих рыночную стоимость спорного имущества.

Судебная коллегия полагает подлежащими отмене судебные акты трех инстанций об изменении способа исполнения определения от 27.03.2014 г.

Определяя размер денежных средств, подлежащих взысканию с общества, суды сослались на представленное при рассмотрении обособленного спора о признании недействительным договора купли-продажи конкурсным управляющим должником письмо оценочной компании (определение от 27.03.2014).

Между тем из данного письма следует лишь ориентировочная стоимость (1 000 000 – 1 100 000) объекта недвижимости на момент его отчуждения, более точную стоимость которого возможно определить после предоставления соответствующей технической документации.

Считая, что данное письмо не может быть принято судом в качестве надлежащего доказательства со ссылкой на несоответствие его требованиям ст. 11 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" и принципам федеральных стандартов оценки, общество при рассмотрении вопроса об изменении способа исполнения судебного акта представляло отчет об оценке, согласно которому рыночная стоимость объекта недвижимости значительно (многократно) отличается от указанной в письме оценочной компании.

В нарушение требований ст. 71, 168, 170 АПК РФ судами первой и апелляционной инстанций не дана оценка представленному обществом заключению специалиста, содержащему выводы относительно рыночной стоимости спорного имущества. При этом мотивы указания максимальной стоимости, названной оценочной компанией, не приведены.

Таким образом, вопрос, касающийся установления стоимости подлежащего возврату по признанной недействительной сделке имущества, судами не разрешен.

[Определение ВС РФ от 25.06.2018 г. № 305-ЭС17-6358](#)

Факт открытия в отношении должника процедуры конкурсного производства не влечет за собой невозможность исполнения должником обязательства в натуре и трансформации такого требования кредитора в денежное.

Суду надлежит принять к производству заявление кредитора с требованием об исполнении должником обязательства в натуре, а в случае установления на стадии рассмотрения требования невозможности исполнения обязательства в натуре - предложить кредитору уточнить сумму компенсации убытков в целях включения ее в реестр требований кредиторов.

В рамках дела о банкротстве ОАО "Восток" ГБУ г. Москвы "Жилищник Пресненского района" (далее – учреждение) обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов требования о передаче ему технической и иной документации, связанной с управлением многоквартирным домом, а при отсутствии у общества названной документации – требования о возмещении за счет конкурсной массы расходов на ее изготовление.

Судом первой инстанции заявление учреждения возвращено. Судами апелляционной инстанции и округа определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия считает состоявшиеся по спору акты подлежащими отмене по следующим обстоятельствам.

Как усматривается из материалов дела, общество-должник являлось управляющей организацией. В обоснование вышеупомянутого заявления, со ссылкой на ст. 100 Закона о банкротстве, учреждение указало на то, что оно является последующей управляющей организацией, обязанность по передаче учреждению документации лежит на должнике в силу п. 10 ст. 162 Жилищного кодекса РФ.

Окружной суд счел, что требование о понуждении общества осуществить предоставление в натуральной форме, возникшее до возбуждения дела о банкротстве, в связи с открытием в отношении должника конкурсного производства стало неисполнимым, поэтому оно подлежало трансформации в денежное и должно было быть оценено учреждением с целью включения его в реестр требований кредиторов общества. Констатировав отсутствие в материалах дела денежной оценки требования, суд округа поддержал выводы судов первой и апелляционной инстанций о необходимости возврата заявления учреждению на основании ст.ст. 4 и 60 Закона о банкротстве как подлежащего рассмотрению в порядке искового производства (вне рамок дела о банкротстве).

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно п. 10 ст. 162 Жилищного кодекса РФ управляющая организация обязана передать техническую документацию на многоквартирный дом и иные связанные с управлением таким домом документы вновь выбранной управляющей организации.

Общество добровольно обязанность по передаче документации не исполнило.

Ранее учреждение обращалось в арбитражный суд в общеисковом порядке с требованием об обязанности передать документацию. Ранее исковое заявление учреждения оставлено без рассмотрения на основании п. 4 ч. 1 ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Суд счел, что спор о передаче документации подлежит рассмотрению в деле о банкротстве общества.

Таким образом, из-за отказа в рассмотрении требования как в исковом порядке, так и в рамках дела о банкротстве учреждение оказалось лишенным права на судебную защиту, гарантированного ст. 46 Конституции РФ и ст. АПК РФ, что недопустимо.

Вопреки выводам окружного суда, техническая документация на многоквартирный дом и другие связанные с управлением домом документы не включаются в состав конкурсной массы управляющей организации, поэтому само по себе открытие в отношении последней процедуры конкурсного производства не ведет к трансформации требования о передаче документов в денежное.

Арбитражному суду первой инстанции следовало принять заявление учреждения к производству (при отсутствии у него иных недостатков) и при невозможности исполнения обществом требования в натуральной форме полностью или в части (вследствие отсутствия или утраты документации) предложить учреждению уточнить сумму компенсации убытков, причитающуюся ему на основании п. 1 ст. 393, ст. 397 ГК РФ и подлежащую установлению по правилам ст. 100 Закона о банкротстве.

Возбуждение дела о банкротстве.

Пропуск кредитором срока предъявления исполнительного документа по обеспеченному поручительством долгу к основному должнику не препятствует возбуждению производства по делу о банкротстве в отношении поручителя.

В случае, если кредитором пропущен срок на включение требования в реестр требований кредиторов основного должника, кредитор может быть отказано во взыскании с поручителя по обязательству основного должника в том объеме, в каком поручитель мог получить удовлетворение (после суброгации) из конкурсной массы основного должника.

Банк обратился в суд с заявлением о признании Музалевской Т.В. банкротом.

Судом первой инстанции в удовлетворении заявления банка отказано, производство по делу о банкротстве прекращено. Судами апелляционной инстанции и округа определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия полагает, что акты трех инстанций по настоящему делу подлежат отмене.

Как установлено судами Музалевская Т.В. заключила договор поручительства, по условиям которого приняла на себя обязательство солидарно отвечать перед банком за исполнение Роговской Т.П. (заемщиком) обязательств по кредитному договору. Кроме того, в обеспечение исполнения обязательств Роговской Т.П. по тому же кредитному договору Музалевской Т.В. (залогодателем) и банком заключен договор об ипотеке, на основании которого Музалевская Т.В. передала в залог банку принадлежащую ей на праве собственности квартиру.

В связи с неисполнением заемщиком обязательств по возврату кредита и уплате процентов банк обратился в суд общей юрисдикции с иском к Роговской Т.П. и Музалевской Т.В. о солидарном взыскании задолженности в сумме 72 981 499 рублей 55 копеек и об обращении взыскания на заложенное Музалевской Т.В. имущество. Решением суда общей юрисдикции исковые требования банка удовлетворены.

На принудительное исполнение указанного решения судом общей юрисдикции выданы три исполнительных листа: о взыскании задолженности с заемщика; о солидарном взыскании той же задолженности с поручителя; об обращении взыскания на заложенное имущество.

Полагая, что в связи с неисполнением решения суда общей юрисдикции имеются основания для введения в отношении Музалевской Т.В. процедуры банкротства, банк обратился в арбитражный суд с соответствующим заявлением.

Признавая заявление банка необоснованным, суды исходили из того, что:

- банк не реализовывал право на принудительное исполнение решения суда общей юрисдикции в отношении основного должника, пропустил трехлетний срок предъявления к исполнению исполнительного листа о взыскании задолженности с заемщика и поэтому по смыслу разъяснений, данных в п. 52 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 "О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством" не может требовать возбуждения дела о банкротстве лица, предоставившего обеспечение;
- банком пропущен трехлетний срок предъявления к исполнению исполнительного листа об обращении взыскания на предмет залога, выданного на основании упомянутого решения;

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно п. 1 ст. 323 ГК РФ при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга.

Действительно, в абз. 1 п. 52 постановления № 42 разъяснено, что имея в виду право поручителя покрыть свои имущественные потери за счет требования кредитора к основному должнику, которое переходит к поручителю на основании п. 1 ст. 365 ГК РФ, суды должны исходить из того, что кредитор до закрытия реестра требований кредиторов следует обратиться с заявлением об установлении его требований в деле о банкротстве основного должника. Если будет установлено, что кредитор не совершал названных действий и это повлекло либо может повлечь негативные последствия для поручителя в будущем, на что поручитель ссылается в порядке статьи 364 ГК РФ, в иске к поручителю (либо во включении требования кредитора в реестр требований кредиторов поручителя) может быть отказано (статья 10 ГК РФ).

Приведенные разъяснения касаются допустимости возражений поручителя о пропуске кредитором сокращенного (двухмесячного) срока для включения обеспеченного требования в реестр кредиторов признанной банкротом организации – основного должника, находящейся в экстраординарной ситуации – в

стадии ликвидации через процедуру конкурсного производства. Они применяются тогда, когда кредитор, не предъявивший требование в деле о банкротстве основного должника в отведенный законом срок, лишает поручителя, исполнившего обязательство, реальной возможности реализовать полученное в порядке суброгации требование к основному должнику по независящим от поручителя причинам, поскольку в предусмотренный Законом о банкротстве сокращенный двухмесячный срок поручителю объективно затруднительно решить вопрос с выплатой в пользу кредитора и предъявить притязания выплатившего лица основному должнику. При этом одного лишь такого бездействия кредитора недостаточно для возложения на него негативных последствий в виде отказа в удовлетворении требования кредитора к поручителю. Необходимо чтобы это бездействие приводило к реальному нарушению прав поручителя. В частности, на основании указанных разъяснений кредитор не может быть поражен в правах в отношении поручителя в той части задолженности, которая в принципе не могла быть погашена за счет конкурсной массы основного должника ввиду ее недостаточности.

Иное (расширительное) понимание упомянутых разъяснений приводит к необоснованному смешению понятий "солидарные обязательства" и "субсидиарная ответственность", имеющих различное правовое регулирование (ст.ст. 323 и 399 ГК РФ).

В рассматриваемом случае основной должник не находился и не находится в процедуре банкротства. Банк предъявил в суд общей юрисдикции требования одновременно и основному должнику и лицу, выдавшему обеспечение, которые удовлетворены судом. У поручителя было, по меньшей мере, три года для того, чтобы осуществить выплату банку и реализовать полученное в порядке суброгации требование к основному должнику. Таких действий поручитель не совершил.

При изложенных обстоятельствах ссылки поручителя на п. 52 постановления № 42 являются попыткой переложить последствия собственного продолжительного неисполнения договорного обязательства на исправную сторону – кредитора, что недопустимо.

Признавая необоснованным заявление банка о признании должника банкротом ввиду утраты им права на принудительное исполнение исполнительного листа об обращении взыскания на заложенное имущество, суды не дали оценку доводам банка и представленным им доказательствам о реализации кредитором права на принудительное исполнение требований к Музалевской Т.В. как к поручителю на основании другого исполнительного листа, выданного по тому же делу.

[Определение ВС РФ от 01.06.2018 г. № 305-ЭС18-1779](#)

При обращении с заявлением о признании должника банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника заявитель должен представить доказательства фактического прекращения деятельности должника, а также доказательства отсутствия руководителя должника, либо доказательства невозможности установления его местонахождения. Данные обстоятельства исследуются судом на стадии решения вопроса о принятии подобного заявления к производству.

Для целей введения упрощенной процедуры банкротства размер кредиторской задолженности не имеет значения.

Тарло А.Е. обратился в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника.

Судом первой инстанции и судом апелляционной инстанции в принятии заявления отказано.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Отказывая в принятии заявления Тарло А.Е., суд первой инстанции, сославшись на положения ст. 43 Закона о банкротстве, исходил того, что требования заявителя не соответствуют условиям, предусмотренным п. 2 ст. 33 Закона о банкротстве (размер требования составляет менее 300 000 руб.).

С указанным выводом согласился суд апелляционной инстанции, отклонив доводы заявителя о наличии у общества признаков отсутствующего должника со ссылкой на то, что на стадии решения вопроса о принятии заявления о признании должника банкротом к производству суд не обязан исследовать и давать оценку приложенным к такому заявлению документам на предмет того, отвечают ли заявленные требования признакам, указанным в п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве, а также соблюден ли кредитором порядок, предусмотренный п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве.

Между тем судами первой и апелляционной инстанций не учтено следующее.

Банкротство отсутствующего должника осуществляется в соответствии с особенностями, установленными параграфом 2 гл. XI Закона о банкротстве.

В соответствии с п. 1 ст. 227 Закона о банкротстве в случаях, если гражданин - должник или руководитель должника - юридического лица, фактически прекратившего свою деятельность, отсутствует или установить место их нахождения не представляется возможным, заявление о признании отсутствующего должника банкротом может быть подано конкурсным кредитором, уполномоченным органом независимо от размера кредиторской задолженности.

По смыслу приведенной нормы при обращении с заявлением о признании должника банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника заявитель должен представить доказательства фактического прекращения деятельности должника, а также доказательства отсутствия руководителя должника, либо доказательства невозможности установления его местонахождения.

При этом размер кредиторской задолженности не имеет значения для целей введения упрощенной процедуры банкротства.

При таких условиях у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для отказа в принятии заявления Тарло А.Е. о признании должника банкротом по указанным в определении основаниям.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 10.05.2018 г. № 308-ЭС17-22596](#)

Не может быть отказано во включении требования в реестр требований кредиторов лица, изъявившего желание вернуть в конкурсную массу приобретенное от должника имущество, на том основании, что имущество реально не возвращено, если конкурсный управляющий уклонился от его принятия.

В подобном случае судам надлежит исследовать доводы сторон относительно их добросовестности.

В рамках дела о банкротстве должника (признан банкротом 23.12.2016 г.) общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении долга в размере 99 400 000 руб. в реестр требований кредиторов как обеспеченного залогом имущества должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении требования отказано.

29.12.2016 общество направило конкурсному управляющему уведомление о намерении возвратить в конкурсную массу должника недвижимое имущество, приобретенное им у должника по договору купли-продажи. Конкурсный управляющий в ответ сообщил о готовности принять объекты недвижимости и просил известить его о времени и месте осмотра недвижимого имущества.

Указывая на то, что конкурсный управляющий уклонился от принятия имущества, общество со ссылкой на положения п. 3 и 4 ст. 61.6, ст. 61.7, 71, 100, 134 Закона о банкротстве и разъяснения, изложенные в п. 29.2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", обратилось в арбитражный суд с требованиями о включении 99 400 000 руб. задолженности, равной цене недвижимого имущества, в реестр требований кредиторов должника как обеспеченной залогом имущества должника по договору ипотеки.

Отказывая в удовлетворении требований, суды трех инстанций, руководствуясь названными нормами права, исходили из недоказанности факта возврата в конкурсную массу спорного недвижимого имущества на момент предъявления требований.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу ст. 61.7 Закона о банкротстве и разъяснений, изложенных в пункте 29.2 постановления № 63, лицо, получившее от должника имущество по сделке, в случае возврата этого имущества до оспаривания сделки, вправе предъявить свои требования по правилам п. 3 и 4 ст. 61.6 Закона о банкротстве. При этом для таких требований применяются общие правила ст. 71 и 100 Закона о банкротстве о начале течения сроков для заявления требований.

Однако реализация права (предъявление требования по правилам п. 3 и 4 ст. 61.6 Закона о банкротстве) поставлена в зависимость от встречных действий должника по своевременному принятию возвращаемого имущества. Это означает, что в случае недобросовестного поведения должника или его

конкурсного управляющего лица, изъявившее желание вернуть полученное по сделке имущество, утрачивает возможность воспользоваться таким правом.

В связи с этим формальный подход, при котором обществу отказано в удовлетворении требований лишь со ссылкой на недоказанность возврата в конкурсную массу спорного имущества, нельзя признать законным.

В данном случае в целях правильного разрешения спора, суду первой инстанции следовало дать правовую оценку поведению конкурсному управляющего и общества после сообщения последнего о готовности добровольно вернуть должнику полученное по договору купли-продажи от 09.04.2014 недвижимое имущество.

Однако доводы сторон, связанные с их добросовестностью, не получили какой-либо правовой оценки в рамках настоящего спора.

[Определение ВС РФ от 28.05.2018 г. № 301-ЭС17-22652 \(3\)](#)

Бремя доказывания целесообразности заключения обеспечительной сделки возлагается на кредитора в случае, если он входит в одну группу с должником.

Если "дружественный" кредитор не подтвердит целесообразность заключения обеспечительной сделки, его действия по подаче заявления о включении требований в реестр могут быть квалифицированы как совершенные исключительно с противоправной целью (уменьшить количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов) что является основанием для отказа во включении его требований в реестр.

В рамках дела о банкротстве должника-застройщика Рязанов А.И. обратился в арбитражный суд с заявлением о включении задолженности в размере 39 500 000 руб. в реестр требований кредиторов должника. Судами трех инстанций требование признано обоснованным, включено в четвертую очередь реестра требований кредиторов застройщика.

Судами установлено, что 20.03.2014 между Егоршиной Н.В. (займодавец, бывший работник должника-застройщика) и Рудниковым А.В. (заемщик, генеральный директор должника-застройщика) заключен договор займа, по условиям которого займодавец обязался передать заемщику 39 500 000 руб. Надлежащее исполнение заемщиком обязательств по возврату суммы займа было обеспечено поручительством должника на основании договора от 25.03.2014, заключенного с Егоршиной Н.В. Впоследствии Егоршина Н.В. (цедент) и Рязанов А.И. (цессионарий) заключили договоры уступки прав требования от 26.12.2016 по указанным договорам займа и поручительства.

В связи с тем, что заемщик и поручитель обязательств по возврату суммы займа не исполнили и в отношении поручителя (должника) было возбуждено дело о банкротстве, Рязанов А.И. обратился с настоящим заявлением о включении задолженности в реестр требований кредиторов. Установив наличие у Егоршиной Н.В. финансовой возможности для предоставления займа, а также передачу денежных средств, суды отклонили доводы кредиторов о безденежности займа и удовлетворили заявления Рязанова А.И.

Судебная коллегия полагает, что указанные судебные акты трех инстанций подлежат отмене.

Согласно сложившейся судебной практике наличие корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и должником объясняет мотивы совершения обеспечительных сделок (постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 № 14510/13). Получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заемщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота, является стандартной практикой и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель испытывает финансовые сложности (определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475). Предполагается, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

В такой ситуации для констатации сомнительности поручительства должны быть приведены достаточно веские аргументы, свидетельствующие о значительном отклонении поведения займодавца от стандартов разумного и добросовестного осуществления гражданских прав (п. 4 ст. 1 и п. 1 ст. 10 ГК РФ). К их числу могут быть отнесены, в том числе следующие:

- участие кредитора в операциях по неправомерному выводу активов;

- получение кредитором бесосновательного контроля над ходом дела о несостоятельности;
- реализация договоренностей между займодавцем и поручителем (залогодателем), направленных на причинение вреда иным кредиторам, лишение их части того, на что они справедливо рассчитывали, и т.п. – определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2015 № 308-ЭС15-1607.

В случае, если заем является внутригрупповым (кредит является аффилированным по отношению к должнику лицом), денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования. Поэтому в условиях аффилированности займодавца, заемщика и поручителя между собою, на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки, в том числе выдачи поручительства. В обратном случае следует исходить из того, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц (определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6)).

По мнению судебной коллегии, желание в будущем новировать заемные обязательства в отношении, вытекающие из договора долевого участия, в строительстве не объясняет целесообразность выдачи поручительства именно на момент предоставления займа. Более того, цель выдачи займа в договоре не указана, расходование полученных денежных средств на указанные цели, о чем заявлено только при рассмотрении настоящего спора, документально не подтверждено. Каких-либо иных мотивов подобного поведения заинтересованными лицами не приведено.

Стороны также не пояснили, в том числе следующее: если заем предоставлялся для финансирования должника в целях строительства детского сада, по какой причине заемщиком выступал директор (не имеющий права самостоятельно осуществлять предпринимательскую деятельность по строительству), не было ли цели тем самым усложнить процесс доказывания мнимости займа или обойти правила об оприходовании юридическим лицом полученных денежных средств, принимая во внимание отсутствие обязанности у физического лица вести финансовый учет.

Если "дружественный" кредитор не подтверждает целесообразность заключения обеспечительной сделки, его действия по подаче заявления о включении требований в реестр могут быть квалифицированы как совершенные исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (ст. 10 ГК РФ). При этом наличие в действиях сторон злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абз. 4 п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)").

Довод сторон об отсутствии аффилированности между займодавцем (Егоршиной Н.В.), заемщиком и поручителем подлежит отклонению. Несмотря на то, что займодавец является бывшим работником должника, следует учитывать, что аффилированность может быть доказана и в отсутствие формально-юридических связей между лицами (фактическая аффилированность), поэтому необходимо принимать во внимание сопутствующие выдаче займа факты. Как указывал оспаривающий акты кредитор в рамках других обособленных споров по настоящему делу рассматриваются также требования Рязанова А.И. о включении заемной задолженности в реестр. По названным обособленным спорам займы предоставлялись в один и тот же день, что и по настоящему спору – 20.03.2014, договоры оформлены аналогично. Займодавцами выступали Седова И.П. (участник должника)¹ и Седова Н.В. (ее дочь)², при этом, как указывала сама Егоршина Н.В., для предоставления финансирования должнику она получила заем от Седова В.И. (участника должника, супруга Седовой И.П., отца Седовой Н.В.) в размере 22 млн. руб. По мнению судебной коллегии, совокупность приведенных фактов может свидетельствовать о согласованности действий названных лиц, о подконтрольном характере спорной задолженности аффилированным с должником лицам.

[Определение ВС РФ от 04.06.2018 г. № 305-ЭС18-413](#)

¹ См. [Определение ВС РФ от 28.05.2018 г. № 301-ЭС17-22652 \(2\)](#)

² См. [Определение ВС РФ от 28.05.2018 г. № 301-ЭС17-22652 \(1\)](#)

1. При рассмотрении обоснованности заявлений о включении в реестр требований неминоритарных акционеров (участников) должника судом должен применяться более строгий стандарт доказывания по сравнению с включением в реестр требований рядовых гражданско-правовых кредиторов.

Неминоритарные акционеры должника при включении их требований в реестр должны не только представить ясные и убедительные доказательства наличия и размера задолженности, но и опровергнуть наличие у такой задолженности корпоративной природы, в частности, подтвердить, что при возникновении долга они не пользовались преимуществами своего корпоративного положения.

2. Выводы временной администрации банка в качестве доказательства конкретных обстоятельств не могут иметь большей юридической силы, чем иные доказательства по делу.

В рамках дела о банкротстве Банка Хорошилова Т.Д. обратилась с возражениями на отказ конкурсного управляющего включить ее требования в размере 2 744 391 281,30 руб. в реестр требований кредиторов должника. Судами трех инстанций требования Хорошиловой Т.Д. в указанном размере включены в первую очередь реестра требований кредиторов должника.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Судами установлено, что требования Хорошиловой Т.Д. основаны на трех договорах банковского вклада. Факт внесения денежных средств во вклады подтверждается приходными кассовыми ордерами и участвующими в деле лицами не оспаривается. Сумма задолженности банка по названным договорам банковского вклада с учетом процентов составила 2 744 391 281,30 руб.

Неисполнение обязательств по возврату суммы вкладов в установленные сроки, признание банка несостоятельным и отказ конкурсного управляющего включить указанные требования в реестр послужили основанием для обращения Хорошиловой Т.Д. в суд с заявлением о разрешении возникших разногласий.

Возражая против заявления Хорошиловой Т.Д., конкурсный управляющий ссылаясь на то, что денежные средства с ее счета были переведены по договорам займа на счета третьих лиц – общества и торгового дома.

Опровергая названные доводы, Хорошилова Т.Д. отмечала, что не давала распоряжений на перевод денежных средств, договоры займа и перевода долга не подписывала.

К материалам дела действительно приобщены только договоры, которые со стороны Хорошиловой Т.Д. как займодавца не подписаны. Вместе с тем, следует учитывать, что по общему правилу договор займа является реальной сделкой (ст. 807 ГК РФ).

Для установления факта заключения договора, а также выяснения сопутствующих этому обстоятельств необходимо было привлечь к участию в обособленном споре лиц, в пользу которых были осуществлены перечисления денежных средств (номинальных заемщиков), которым бы не составило труда дать пояснения, а также представить отсутствующие в материалах дела письменные доказательства, раскрывающие информацию об основаниях осуществленных переводов и дальнейшей судьбе денежных средств на их счетах.

Отклоняя довод конкурсного управляющего о необходимости привлечения названных лиц, суд округа сослался на то, что в рамках настоящего спора не рассматривается вопрос о недействительности банковских операций, в связи с чем у суда не было обязанности привлекать стороны всех сделок. Однако, согласившись с доводами Хорошиловой Т.Д. об отсутствии заемных отношений между ней и данными лицами (и перечислении средств без ее воли), суд тем самым поставил под сомнение действительность соответствующих банковских операций и констатировал отсутствие оснований для получения денежных средств номинальными заемщиками. Такой вывод не мог быть сделан без их участия.

Кроме того, конкурсный управляющий ссылаясь на то, что возвращенные заемщиками на счет Хорошиловой Т.Д. 07.04.2016 (в настоящий момент сделки оспариваются по мотиву фиктивности) денежные средства были направлены ею на свой же счет в другом банке (АО "Тембр-Банк") платежным поручением от 13.04.2016, что свидетельствует об отсутствии остатка средств на ее счете у должника. Отклоняя указанный аргумент, суд апелляционной инстанции отметил, что с 07.04.2016 была сформирована картотека неисполненных поручений клиентов банка, 12.04.2016 назначена временная администрация, а потому при наличии картотеки и новом менеджменте не могли быть осуществлены денежные переводы между двумя кредитными организациями. Однако вывод суда по этому вопросу фактически построен на логическом

умозаключении, при этом обстоятельства, касающиеся указанного довода Агентства, проверены не были. Для исследования названного вопроса необходимо также привлечь АО "Тембр-Банк" и истребовать у него данные о движении денежных средств по счетам Хорошиловой Т.Д. (в том числе уже закрытым), выяснить источник поступления денежных средств на указанные счета, проверить наличие признаков аффилированности между Хорошиловой Т.Д. и АО "Тембр-Банк".

Судами отклонены доводы конкурсного управляющего об отсутствии на дату введения временной администрации на счетах Хорошиловой Т.Д. денежных средств в размере, превышающем 4 251 582,64 руб. Делая названные выводы, суды учли результаты служебного расследования, проведенного временной администрацией банка, которая установила, что списание денежных средств со счетов кредитора в пользу общества и торгового дома в качестве займов производилось без поручения Хорошиловой Т.Д. по прямому указанию Председателя Совета директоров должника.

Признавая допустимость включения требований заявителя в реестр, суды фактически ограничились выводами временной администрации, изложенными в служебном расследовании.

Предполагается, что при назначении временной администрации (ст. 189.25 Закона о банкротстве) у кредитной организации появляется новый менеджмент, независимый от предыдущего руководства. Следовательно, выводы, сделанные временной администрацией, как правило, должны носить независимый и компетентный характер с учетом того, что в ее функции входит изучение (обследование) предшествующей деятельности банка (п. 1 ст. 189.30 Закона о банкротстве).

Указанное, тем не менее, не означает, что арбитражный суд, впоследствии рассматривающий дело о банкротстве, связан названными выводами временной администрации.

По смыслу п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" на суде, рассматривающем вопрос о включении требований в реестр, лежит самостоятельная обязанность более тщательной проверки данных требований, в первую очередь, в целях предотвращения "попадания в реестр" недобросовестных кредиторов либо кредиторов с фиктивной задолженностью.

Следовательно, результаты служебного расследования временной администрации могли быть приняты как одно из доказательств по обособленному спору, которое не имело большей юридической силы по сравнению с иными доказательствами и подлежало оценке наряду с ними в совокупности.

При этом судебная коллегия принимает во внимание то обстоятельство, что Хорошилова Т.Д. является акционером должника (примерно 19 % акций). Несмотря на то, что обладание названным количеством акций само по себе не презюмирует наличие статуса контролирующего лица, такой акционер не может быть признан и миноритарным (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, пп. 2 п. 4 и п. 6 ст. 61.10 Закона о банкротстве). При рассмотрении заявлений о включении рядовых гражданско-правовых кредиторов суд осуществляет более тщательную проверку обоснованности требований по сравнению с общеисковым гражданским процессом, то есть основанием к включению являются ясные и убедительные доказательства наличия и размера задолженности. При рассмотрении же требований о включении неминоритарных акционеров (участников) применяется более строгий стандарт доказывания, такие акционеры должны не только представить ясные и убедительные доказательства наличия и размера задолженности, но и опровергнуть наличие у такой задолженности корпоративной природы, в частности, подтвердить, что при возникновении долга они не пользовались преимуществами своего корпоративного положения (например, в виде наличия недоступной иным лицам информации о финансовом состоянии должника, возможности осуществлять финансирование в условиях кризиса в обход корпоративных процедур по увеличению уставного капитала и т.д.). Целью судебной проверки таких требований является исключение у суда любых разумных сомнений в наличии и размере долга, а также в его гражданско-правовой характеристике.

Однако в настоящем споре суды использовали по отношению к Хорошиловой Т.Д. стандарт доказывания, применяемый к обычному гражданско-правовому кредитору, без учета ее статуса как акционера должника.

[Определение ВС РФ от 07.06.2018 г. № 305-ЭС16-20992\(3\)](#)

Общество-займодавец, заявляя о включении задолженности по займу в реестр требований кредиторов участника-заемщика, обязано, помимо прочего, обосновать экономическую целесообразность предоставления денежных средств своему участнику на возвратной основе. При ином подходе остаются неразрешенными сомнения заинтересованных лиц в намерении должника

путем манипулирования денежными средствами подконтрольного ему общества искусственно нарастить кредиторскую задолженность на случай своего банкротства с целью последующего уменьшения количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов.

Если степень аффилированности между кредитором, заявляющим требование, и должником является существенной, то на такого кредитора возлагается повышенный стандарт доказывания: последний обязан опровергнуть обоснованные доводы заинтересованных лиц о признаках недобросовестности в своих действиях и действиях должника по отношению, в первую очередь, к независимым кредиторам.

В рамках дела о банкротстве Одинцова А.Н. общество обратилось с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника 3 722 476,89 руб. задолженности, 1 424 263,23 руб. процентов за пользование займом и 1 150 000 руб. неосновательного обогащения.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено в полном объеме, требование общества включено третью очередь реестра. Судебная коллегия считает, что принятые по настоящему обособленному спору судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами и следует из материалов обособленного спора, Одинцов А.Н. является участником общества со стопроцентной долей участия.

Между Одинцовым А.Н. (продавцом) и обществом (покупателем) заключен предварительный договор купли-продажи земельного участка от 16.05.2011, во исполнение условий которого покупатель перечислил продавцу 1 965 000 рублей в качестве предварительной оплаты.

Впоследствии по взаимному согласию сторон 15.09.2011 договор купли-продажи расторгнут, обязательства продавца по возврату полученных от покупателя денежных средств в указанном размере новированы в процентные заемные обязательства со сроком возврата до 15.09.2014. Впоследствии срок возврата займа и процентов по нему продлен до 01.07.2016.

Помимо этого, между Одинцовым А.Н. (заемщиком) и обществом (займодавцем) заключены два договора беспроцентного займа от 01.04.2013 и от 25.02.2015, а также три договора процентного займа от 31.07.2014, от 22.12.2014, от 31.12.2014.

В подтверждение выдачи заемных средств обществом представлены платежные поручения.

Кроме этого, между должником (продавцом) и обществом (покупателем) заключен договор купли-продажи простого векселя от 15.08.2015, выданного юридическим бюро, номинальной стоимостью 9 500 000 руб., по цене 3 500 000 руб., который впоследствии по взаимному соглашению сторон расторгнут. Вексель оплачен частично.

В связи с неисполнением Одинцовым А.Н. обязательств по возврату займов, а также частичной оплатой векселя общество обратилось в арбитражный суд с настоящими требованиями.

Суды включили требования общества в реестр и отклонили довод конкурсного кредитора о наличии в действиях сторон при заключении упомянутых сделок признаков злоупотребления правом с указанием на то, что сама по себе аффилированность должника и общества не свидетельствует о недействительности сделок при наличии бесспорных доказательств их совершения и исполнения. В то же время другие кредиторы должника обращали внимание судов, что срок возврата займа неоднократно продлевался, при обращении в арбитражный суд с заявлением о собственном банкротстве Одинцов А.Н. не представил информации относительно наличия обязательств перед обществом, а последнее, в свою очередь, не требовало возврата образовавшейся на стороне Одинцова А.Н. задолженности до возбуждения в отношении него дела о банкротстве.

Между тем судами не учтено следующее.

Действительно, заключение сделки между заинтересованными лицами не может служить самостоятельным признаком злоупотребления правом в их поведении. Равным образом отсутствуют основания полагать, что данный факт безусловно указывает на необходимость отказа во включении в реестр заявленного требования или понижения очередности при его удовлетворении.

Однако, если степень аффилированности между кредитором, заявляющим требование, и должником является существенной, такой кредитор обязан опровергнуть обоснованные доводы заинтересованных лиц о признаках недобросовестности в их действиях по отношению, в первую очередь, к независимым кредиторам должника. Проверка таких требований осуществляется судом более тщательно.

В рассматриваемом случае должник является единственным участником общества, следовательно, на последнего возлагается повышенный стандарт доказывания.

По общему правилу, деятельность любого коммерческого юридического лица имеет своей основной целью извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Инвестируя денежные средства в капитал общества, участник, с одной стороны, рискует своим имуществом в пределах стоимости вклада, а с другой, при успешном ведении бизнеса рассчитывает на получение прибыли от деятельности общества пропорционально размеру данного вклада.

Нормальным способом изъятия участниками и акционерами денежных средств от успешной коммерческой деятельности принадлежащих им организаций является распределение прибыли либо выплата дивидендов (абз. 4 п. 1 ст. 8, ст. 28 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, ст. 42 Закона об акционерных обществах).

Вместе с тем возможны ситуации, когда прибыль изымается участником общества или выплачивается ему под прикрытием иной сделки, например, займа. Установив признаки притворности такой сделки, суд с учетом конкретных обстоятельств дела вправе переqualифицировать заемные отношения в отношения, связанные с распределением прибыли по правилам п. 2 ст. 170 ГК РФ, признав за прикрываемым требованием статус корпоративного, не подлежащего включению в реестр.

Несмотря на то, что заемные отношения между обществом и его участником законодательством допускаются, общество-займодавец, заявляя о включении задолженности по займу в реестр, обязано, помимо прочего, обосновать экономическую целесообразность предоставления денежных средств своему участнику на возвратной основе. При ином подходе остаются неразрешенными сомнения заинтересованных лиц в намерении должника путем манипулирования денежными средствами подконтрольного ему общества искусственно нарастить кредиторскую задолженность на случай своего банкротства с целью последующего уменьшения количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов. Такое поведение явно свидетельствует о недобросовестности сторон заемных отношений, что достаточно для отказа во включении требований в реестр (ст. 10 ГК РФ, абз. 4 п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)").

[Определение ВС РФ от 22.06.2018 г. № 305-ЭС18-1877](#)

Согласно Закону о банкротстве полномочиями на представление в деле о банкротстве требований Российской Федерации обладает только Федеральная налоговая служба, в связи с чем любые требования, вытекающие из государственных контрактов (в том числе заключенные юридическими лицами, находящимися в ведении государственных органов), являясь требованиями Российской Федерации, подлежат включению в реестр как требования уполномоченного органа.

В рамках дела о банкротстве должника ФНС обратилась в арбитражный суд с заявлением о замене в порядке процессуального правопреемства в реестре требований кредиторов должника управления на уполномоченный орган.

Судом первой инстанции требование удовлетворено, судами апелляционной и кассационной инстанций в удовлетворении требований отказано.

Судебная коллегия полагает, что подлежит оставлению в силе определение суда первой инстанции.

Как следует из материалов обособленного спора и установлено судами, определением арбитражного суда по настоящему делу от 02.12.2016 в третью очередь реестра включены требования управления по государственным контрактам в размере 75 553 036,29 руб.

Удовлетворяя заявление уполномоченного органа, суд первой инстанции руководствовался п. 2 ст. 29 Закона о банкротстве и п. 2 постановления Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 "Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве и в процедурах банкротства" и исходил из того, что в данном случае управление, являясь подведомственным учреждением федерального органа исполнительной власти (Федерального дорожного агентства – Росавтодора), при заключении и исполнении контрактов действовало от имени и в интересах Российской Федерации, в связи с чем вытекающие из неисполнения (ненадлежащего исполнения) контрактов денежные обязательства относятся к требованиям Российской Федерации.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции исходил из того, что согласно контрактам заказчиком выступает управление, а не Росавтодор. Приняв во внимание организационно-правовую форму управления и его полномочия, а также характер спорных правоотношений, апелляционный суд пришел к выводу о праве управления на самостоятельное предъявление спорных требований.

Суд округа согласился с выводом суда апелляционной инстанции, отметив, что уполномоченный орган фактически оспаривает полномочия управления на подачу заявления, тогда как рассмотрение таких доводов возможно только путем обжалования судебного акта о включении требования управления в реестр.

Между тем судами апелляционной инстанции и округа не учтено следующее.

Действительно, в силу п. 8 ст. 161 Бюджетного кодекса РФ казенное учреждение самостоятельно выступает в суде в качестве истца и ответчика.

Вместе с тем, п. 2 ст. 29 Закона о банкротстве устанавливает специальное правило, согласно которому требования Российской Федерации по денежным обязательствам представляются в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, федеральным органом исполнительной власти, который в соответствии с законом отнесен к уполномоченным органам, то есть ФНС России (п. 2 постановления № 257).

Согласно положениям Устава, утвержденного приказом Федерального дорожного агентства от 01.06.2011 № 90, управление является федеральным казенным учреждением, предназначенным для осуществления функций оперативного управления автомобильными дорогами общего пользования федерального значения и искусственными сооружениями на них, закрепленными за ним, обеспечения безопасного и бесперебойного движения транспортных средств по автомобильным дорогам общего пользования федерального значения.

К предметам деятельности управления относится, в том числе исполнение функций государственного заказчика в соответствии с законодательством Российской Федерации на выполнение работ по реконструкции автомобильных дорог общего пользования федерального значения.

Во исполнение возложенных на управление функций с должником заключены контракты, предметом которых являлось выполнение работ по реконструкции автомобильных дорог общего пользования федерального значения; финансирование контрактов, а также оплата спорных работ осуществлялись управлением за счет средств федерального бюджета.

Учитывая названные положения закона и условия спорных контрактов, суд первой инстанции правильно определил правовую природу вытекающих из неисполнения (ненадлежащего исполнения) контрактов требований управления, квалифицировав их в качестве требований Российской Федерации по денежным обязательствам, полномочиями на представление которых в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, обладает Федеральная налоговая служба (определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2017 № 304-ЭС16-15218).

Оспаривание сделок должника.

[Определение ВС РФ от 15.06.2018 г. № 304-ЭС17-21427](#)

При оспаривании в рамках дела о банкротстве поручителя договора поручительства, заключенного между участниками группы компаний, об отсутствии у сторон при заключении такого договора цели создания дополнительных гарантий реального погашения долговых обязательств может свидетельствовать то обстоятельство, что кредитор не рассчитывал и не мог рассчитывать на повышение вероятности возврата предоставленных заемщику денежных средств (например, в случае если займодавец, являясь профессиональным участником рынка, не мог не знать о возбуждении в отношении поручителя дела о банкротстве либо в случае, если получение должником от предоставленного обеспечения какой-либо имущественной выгоды как участником упомянутой группы либо как самостоятельным обособленным в обороте лицом не установлено).

В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными договоров поручительства, заключенных между банком, должником и обществом "ПромАвиаСервис", а также договоров поручительства, заключенных между банком, должником и агентством, и применении последствий недействительности сделок.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене в связи со следующим.

Как следует из материалов дела и установлено судами, после возбуждения дела о банкротстве должника между банком, должником (поручителем) и обществом "ПромАвиаСервис" (заемщиком) заключен договор поручительства № 33, по условиям которого поручитель обязался отвечать солидарно с заемщиком перед банком за исполнение заемщиком обязательств по кредитному договору (кредитная линия на 80 000 000 рублей). Аналогичный договор поручительства № 24 между теми же сторонами заключен в обеспечение обязательств общества "ПромАвиаСервис" по кредитному договору (кредитная линия на 10 000 000 рублей).

Также между банком, должником (поручителем) и агентством (заемщиком) заключены договоры поручительства от 16.07.2014 и от 04.12.2014 (далее – договоры №№ 20, 48), по условиям которых поручитель обязался отвечать солидарно с агентством перед банком за исполнение заемщиком обязательств по кредитным договорам от 16.07.2014 (кредитная линия на 15 000 000 рублей) и от 04.12.2014 (кредитная линия на 17 686 000 рублей).

Отказывая в признании договоров поручительства недействительными сделками, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что должник, общество "ПромАвиаСервис" и агентство являются заинтересованными лицами, входящими в одну группу лиц, в связи с чем указали, что принятие должником на себя поручительств перед банком за общество "ПромАвиаСервис" и агентство являлось оправданным и экономически обоснованным.

При таких обстоятельствах суды пришли к выводу об отсутствии цели причинения вреда кредиторам должника оспариваемыми сделками.

При рассмотрении настоящего обособленного спора конкурсный управляющий и заинтересованные кредиторы, ссылались, в том числе на совершение спорных сделок с предпочтением.

Исходя из положений ст. 61.3 Закона о банкротстве и разъяснений, изложенных в п.п. 11 - 12 постановления № 63 указанные в п. 1 данной нормы сделки, совершенные в пределах месяца до и после возбуждения дела о банкротстве (а в предусмотренных абз. 2 и 3 п. 1 случаях – в пределах шести месяцев до и после возбуждения дела о банкротстве), признаются недействительными без необходимости установления недобросовестности контрагента.

Производство по делу о банкротстве должника возбуждено определением суда от 22.07.2013. Все кредитные договоры и договоры поручительства заключены после принятия заявления о признании должника банкротом. При этом договор поручительства № 33, заключенный спустя семь месяцев после выдачи кредита, направлен на обеспечение исполнения обязательства третьего лица (общества "ПромАвиаСервис") перед отдельным кредитором, возникшего до совершения оспариваемой сделки, что соответствует диспозиции абз. 2 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Указанное обстоятельство подтверждает оказание предпочтения банку и свидетельствует о ее недействительности. В связи с этим у судов не имелось оснований для отказа в удовлетворении заявления конкурсного управляющего в отношении данного договора.

Принимая во внимание, что договоры поручительства №№ 20, 24, 48 заключены в тот же день, что и кредитные договоры, эти обеспечительные сделки признаками предпочтения не обладают. Учитывая также отсутствие оснований для их оспаривания по п. 1 ст. 61.2 Закона (п. 8 постановления № 63), они могли быть оспорены либо по правилам п. 2 названной статьи, либо на основании ст. 10 и 168 ГК РФ.

Получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заемщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота, является обычной практикой и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель испытывает финансовые сложности. Предполагается, что от кредитования одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

В такой ситуации на сомнительность поручительства будет указывать отклонение поведения кредитора от стандартов разумного и добросовестного осуществления гражданских прав, то есть, по сути, использовании им своего права во вред иным участникам оборота, в частности, остальным кредиторам должника (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

При предоставлении финансирования независимым кредитором предполагается, что главная цель поручительства, выданного входящего в группу компаний с заемщиком лицом, заключается в создании дополнительных гарантий реального погашения долговых обязательств.

О наличии иной цели может свидетельствовать то обстоятельство, что кредитор не рассчитывал и не мог рассчитывать на повышение вероятности возврата предоставленных заемщику денежных средств. Инициирование производства по делу о несостоятельности поручителя, как минимум, должно порождать у кредитора обоснованные сомнения в возможности получить удовлетворение именно по данному обеспечению. Кроме того, в такой ситуации разумно предположить, что из-за недостаточности имущества у должника обеспечение фактически выдается за счет его кредиторов, которые рискуют не получить удовлетворение своих требований в связи с безосновательным увеличением текущей задолженности.

На момент заключения договоров поручительства должник-поручитель являлся в группе компаний единственным лицом, имеющим признаки неплатежеспособности (не располагал имуществом и денежными средствами, достаточными для исполнения своих обязательств).

Будучи профессиональным участником рынка, банк не мог не знать о возбуждении в отношении должника деле о банкротстве. Более того, до заключения оспариваемых договоров судом приняты обеспечительные меры в виде запрета, в том числе банку производить списание денежных средств с расчетных счетов должника с целью недопущения нарушения очередности удовлетворения требований кредиторов и причинения вреда их имущественным интересам. В таких условиях банк должен был оценить перспективность спорных сделок с точки зрения вероятности возврата кредита за счет имущества должника-поручителя, принимая во внимание интересы иных его кредиторов.

Кроме того, получение должником от предоставленного обеспечения какой-либо имущественной выгоды как участником упомянутой группы либо как самостоятельным обособленным в обороте лицом не доказано.

[Определение ВС РФ от 21.06.2018 г. № 304-ЭС17-17716](#)

При разрешении вопроса о недействительности договора уступки, по которому должник-банкрот уступил права требования к должнику по гражданско-правовому обязательству, судам надлежит квалифицировать как надлежащее исполнение, учиненное должником по обязательству цессионарию до момента признания договора недействительным.

Данное правило не подлежит применению только при условии, если будет установлено, что должник, исполняя обязательство перед новым кредитором, знал или должен был знать о противоправной цели оспариваемой сделки. На то, что должник по обязательству располагает информацией о противоправности сделки, может указывать его аффилированность с цедентом или цессионарием, получение в результате уступки выгоды в любой форме и т.п.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной сделкой договора уступки от 01.12.2015, по условиям которого должник уступил право требования к компании "Роснефть" в размере 41 815 382, 19 руб. в пользу общества с ограниченной ответственностью "ТЭКХИМ", и применении последствий недействительности сделки.

Судами первой и апелляционной инстанции заявление удовлетворено, договор уступки признан недействительным, применены последствия недействительности сделки в виде взыскания с ООО "Танер" (правопреемник общества "ТЭК-ХИМ") в пользу должника вышеуказанной суммы. Суд округа указанные судебные акты отменил в части применения последствий недействительности сделки, принял новый судебный акт в этой части, восстановив задолженность компании "Роснефть" перед должником в указанном размере.

Судебная коллегия полагает, что постановление суда округа подлежит отмене по следующим основаниям.

Как следует из материалов обособленного спора и установлено судами, между должником (подрядчиком) и компанией "Роснефть" (заказчиком) заключен договор подряда от 15.01.2015 на выполнение работ по бурению.

Должник (цедент) уступил право требования к компании "Роснефть" по выполненным работам в рамках договора подряда в пользу общества "ТЭКХИМ" (цессионария) на сумму 41 815 382,19 руб.

Уведомлением от 17.12.2015 цедент сообщил компании "Роснефть" об уступке, последняя согласовала переход права требования к обществу "ТЭКХИМ" и 29.12.2015 осуществила платежи по договору подряда новому кредитору.

Удовлетворяя заявление о признании договора уступки недействительным, суды руководствовались ст. 61.2 Закона о банкротстве и исходили из того, что оспариваемая сделка совершена без встречного предоставления.

Разрешая вопрос о применении последствий недействительности сделки, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что компания "Роснефть" до признания договора уступки недействительным полностью исполнило обязательство в пользу нового кредитора. Осведомленность компании "Роснефть" о противоправной цели договора уступки и заинтересованности последней в исполнении обязательств именно в пользу общества "ТЭК-ХИМ" судами не установлена.

Применяя одностороннюю реституцию в виде восстановления задолженности компании "Роснефть" перед должником, суд округа счел, что последствия в виде взыскания денежных средств с общества "Танер" могут быть применены только в случае невозможности возврата в конкурсную массу уступленной задолженности, указав на отсутствие необходимости оценки действий не являющейся стороной оспариваемой сделки компании "Роснефть".

Между тем судом округа не учтено следующее.

Согласно п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 "О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки" если уведомление об уступке направлено должнику первоначальным кредитором, то по смыслу абз. 2 п. 1 ст. 385, п. 1 ст. 312 ГК РФ исполнение, совершенное должником в пользу указанного в уведомлении нового кредитора, по общему правилу, считается предоставленным надлежащему лицу, в том числе в случае недействительности договора, на основании которого должна была производиться уступка.

Согласно аналогичной правовой позиции, изложенной в п. 14 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120 "Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации", в силу положений, предусмотренных ст.ст. 312, 382, 385 ГК РФ, должник при предоставлении ему доказательств перехода права (требования) к новому кредитору не вправе не исполнять обязательство данному лицу.

Достаточным доказательством является уведомление должника cedentом о состоявшейся уступке права (требования).

Указанные положения направлены на защиту интересов должника, исключая возможность предъявления к нему повторного требования в отношении исполненного обязательства со стороны первоначального либо нового кредитора при наличии между ними спора о действительности соглашения об уступке права (требования).

Таким образом, в случае признания судом соглашения об уступке права (требования) недействительным (либо при оценке судом данной сделки как ничтожной и применении последствий ее недействительности) по требованию одной из сторон данной сделки исполнение, учиненное должником цессионарию до момента признания соглашения недействительным, является надлежащим исполнением.

Данное правило не подлежит применению только при условии, если будет установлено, что должник, исполняя обязательство перед новым кредитором, знал или должен был знать о противоправной цели оспариваемой сделки (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.02.2014 № 14680/13).

Это означает, что в случае недобросовестности должника по гражданско-правовому обязательству, право требования cedента к нему подлежит восстановлению, независимо от исполнения в пользу лица, являвшегося цессионарием по недействительной сделке.

Учитывая, что добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, лицо, опровергающее данный факт, должно привести убедительные доводы (п. 5 ст. 10 ГК РФ, ст.ст. 9 и 65 АПК РФ) в подтверждение осведомленности должника по обязательству об обладании им сведениями, позволяющими с достоверностью установить наличие у сторон договора, на основании которого производиться уступка, недобросовестного поведения, заключающегося, например, в выводе cedentом своих активов от обращения взыскания кредиторами. На то, что должник по обязательству располагает подобной информацией, может указывать его аффилированность с cedentом или цессионарием, получение в результате уступки выгоды в любой форме и т.п.

При ином подходе, если для обоснования недобросовестности достаточно было возникновения сомнений относительно действительности соглашения об уступке, положение такого должника становилось бы в значительной степени неопределенным (повышение риска двойного взыскания).

В рассматриваемом случае наличие возбужденного в отношении cedenta дела о банкротстве само по себе о недобросовестности компании "Роснефть", выступающей в подрядных отношениях должником, и не имеющей разумных причин отслеживать финансовое положение кредитора, не свидетельствует. При этом осведомленность компании "Роснефть" о неудовлетворительной структуре баланса подрядчика не подтверждена, а условия оспариваемого соглашения не позволяли сделать вывод о неравноценности сделки (уведомление о смене кредитора получено компанией "Роснефть" до получения информации о наложении приставом ареста на дебиторскую задолженность).

Таким образом, у суда округа, не сославшегося на злоупотребление правом со стороны компании "Роснефть", оснований для отмены судебных акты судов первой и апелляционной инстанций в части применения последствий недействительности оспариваемой сделки не имелось.

[Определение ВС РФ от 21.06.2018 г. № 303-ЭС14-4717 \(4\)](#)

При рассмотрении вопроса о действительности договора аренды в рамках дела о банкротстве арендодателя исследованию судами подлежат обстоятельства, связанные с неравноценностью встречного исполнения по данному договору (несоответствие размера арендной платы рыночным условиям).

При этом факт расторжения спорного договора до момента подачи заявления о признании его недействительным для признания его таковым не имеет правового значения, потому как расторжение спорных договоров и проверка законности этих сделок имеют разные правовые последствия, которые заключаются прежде всего в том, что при расторжении договора его отдельные условия могут сохранять свою силу, в то время как недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Признание совершенной при неравноценном встречном исполнении сделки недействительной является основанием для предъявления требования о взыскании неосновательного обогащения.

В рамках дела о банкротстве предприятия его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве договоров аренды, заключенных между должником и ООО "ЛАН", применении последствий их недействительности.

Судами трех инстанций в удовлетворении требований отказано. Судебная коллегия считает, что указанные судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как следует из материалов спора и установлено судами, после возбуждения дела о банкротстве должника последним (арендодателем) заключены договоры аренды с обществом "ЛАН" (арендатором), по условиям которых арендодатель сдает арендатору за плату во временное пользование весь имущественный комплекс, находящийся на балансе предприятия.

Письмом от 22.03.2016 внешний управляющий должником отказался от исполнения договоров аренды в порядке, предусмотренном ст. 102 Закона о банкротстве.

Впоследствии конкурсный управляющий должника обратился с настоящим заявлением в арбитражный суд.

Разрешая обособленный спор, суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной инстанции и округа, ссылаясь на п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", исходил из отсутствия доказательств наличия у должника признаков неплатежеспособности на момент совершения сделок.

Приняв во внимание вступившее в законную силу решение арбитражного суда, которым подтверждена правомерность расторжения договоров аренды, на общество "ЛАН" возложена обязанность по возврату должнику переданного имущества, суд указал на отсутствие доказательств нарушения договорами аренды прав и законных интересов должника и его кредиторов, учитывая прекращение правоотношений сторон по спорным сделкам на текущий момент.

Между тем судами не учтено следующее.

По смыслу ст.ст. 6, 168, 170 АПК РФ арбитражный суд не связан правовой квалификацией спорных отношений, которую предлагают стороны, и должен рассмотреть спор исходя из заявленных оснований требования (обстоятельств, на которые ссылается сторона в подтверждение своего требования) и его

предмета (требования), определив при этом какие нормы законы следует применить в каждом конкретном случае.

В ходе рассмотрения настоящего обособленного спора конкурсный управляющий, в том числе указывал на установленные в рамках иного дела обстоятельства, свидетельствующие о том, что исполнение договоров аренды не способствовало восстановлению платежеспособности должника и являлось для него убыточным, при этом создавало невозможность осуществления предприятием своей уставной деятельности (лесозаготовка) и его финансового оздоровления.

Согласно абз. 2 п. 9 постановления № 63, если подозрительная сделка была совершена в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия этого заявления, то для признания ее недействительной достаточно обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в связи с чем наличие иных обстоятельств, определенных п. 2 данной статьи (в частности, недобросовестность контрагента), не требуется.

Таким образом, при разрешении данного спора исследованию подлежали обстоятельства, связанные с неравноценностью встречного исполнения (несоответствия размера арендной платы рыночным условиям) по спорным договорам в соответствии с правилами п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, что судами не сделано.

Вопреки выводам судов, расторжение спорных договоров и проверка законности этих сделок имеют разные правовые последствия, которые заключается прежде всего в том, что при расторжении договора его отдельные условия могут сохранять свою силу (п. 2 ст. 453 ГК РФ), в то время как недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения (п. 1 ст. 167 ГК РФ).

Кроме того, признание совершенной при неравноценном встречном исполнении сделки недействительной является основанием для предъявления требования о взыскании неосновательного обогащения (пп. 1 ст. 1103 ГК РФ).

[Определение ВС РФ от 26.06.2018 г. № 305-ЭС17-2948](#)

Механизм оспаривания банком подозрительных и преференциальных сделок, совершенных до начала санации, направлен на компенсацию негативных последствий влияния поведения предыдущего руководства банка на его хозяйственную деятельность в преддверии санации.

Оценивая доводы истца и ответчика о заключении оспариваемого договора купли-продажи ценных бумаг судам надлежит оценить наличие у компаний-эмитентов персонала, основных средств, их финансовое положение, проверить наличие необходимости в заключении банком оспариваемого договора в случае, если он являлся обязанным лицом по векселям либо выступал поручителем по ценным бумагам.

Национальный банк "Траст" со ссылкой на положения Закона о банкротстве, а также ст. 10, 168 ГК РФ, обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к иностранной организации о признании недействительным договора купли-продажи ценных бумаг от 09.12.2013.

Судами первой и апелляционной инстанций иск удовлетворен. Судом округа дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия полагает подлежащим отмене постановление суда округа в связи со следующим.

Из материалов дела усматривается и установлено судами, что с 22.12.2014 приказом ЦБ РФ функции временной администрации банка были возложены на АСВ.

Решением Совета директоров ЦБ РФ от 22.12.2014 утвержден План предупреждения банкротства банка.

С 23.06.2015 прекращено исполнение функций временной администрации банка, возложенных на агентство, что само по себе не означало и прекращения процедуры санации. Представители заявителей в судебном заседании подтвердили, что процедура санации банка не завершена.

Организациям, в отношении которых осуществляются меры по предупреждению банкротства (санация, абз. 12 ст. 2, ст. 31 и 189.9 Закона о банкротстве), законодательно предоставлена возможность оспорить причинившие их кредиторам вред сделки, совершенные до начала санации, по правилам гл. III.1 Закона о банкротстве (п. 11 ст. 189.40 Закона о банкротстве).

Наличие подобной возможности обусловлено тем, что перед санацией кредитная организация, как правило, объективно испытывает финансовые сложности. Осведомленность о таких сложностях и разумное

прогнозирование очевидных экономико-юридических последствий (предупреждение несостоятельности или банкротство) могут способствовать принятию органами управления банка в нарушение нормальных бизнес-процессов недобросовестных решений о выводе оставшихся активов, об оказании предпочтения в удовлетворении требований некоторых из клиентов, в том числе, так или иначе аффилированных с банком, либо о причинении вреда банку и его кредиторам иным образом.

В связи с этим механизм оспаривания подозрительных и преференциальных сделок направлен на компенсацию негативных последствий влияния поведения предыдущего руководства банка на его хозяйственную деятельность в преддверии санации. Предъявление соответствующих требований фактически является составной частью реализации новым руководством (назначенным после введения санации) Плана по предупреждению банкротства, направленного на восстановление платежеспособности кредитной организации в интересах, в первую очередь, его клиентов, а также и всего банковского сектора экономики (определения Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2018 № 305-ЭС17-13572, от 21.05.2018 № 305-ЭС17-22653).

В соответствии с договором купли-продажи ценных бумаг от 09.12.2013 иностранная организация (продавец) обязалась продать и передать в собственность банку (покупатель) 8 векселей на общую сумму 71 276 000 долларов США, эмитентами которых являлись две иностранные компании.

Удовлетворяя заявленные истцом требования, суды первой и апелляционной инстанции исходили из того, что у сделки имеются основания недействительности, предусмотренные п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, ст. 10, 168 ГК РФ.

В обоснование выводов, суд сослался на меморандум Лэтам энд Уоткинс от 11.04.2017, в соответствии с которым обязательство банка по оплате ценных бумаг квалифицировано по праву Англии, как условное обязательство, возникающее на основании требования ответчика, врученного истцу 31.08.2015 и подлежащего исполнению 14.09.2015, и указал на то, что сделка совершена уже после утверждения Плана предупреждения банкротства банка (22.12.2014) и в отсутствие равноценного встречного предоставления. При этом суд сослался на обстоятельства, установленные судебными актами по другим делам, об отсутствии у компаний-эмитентов управленческого и технического персонала, основных средств, плохое финансовое положение компании, что также подтверждалось вступившими в законную силу судебными актами о взыскании задолженностей.

Судом также отражено в судебном акте то обстоятельство, что ценные бумаги, которые являлись предметом договора, покупателю не передавались и у него отсутствуют.

Кроме того, оценивая доводы иностранной организации о совершении оспариваемой сделки в интересах банка и при наличии гарантий с его стороны, суд указал на недоказанность ответчиком обстоятельств, на которые он ссылался в обоснование своих возражений, обратив так же внимание на отсутствие необходимости в заключении банком оспариваемого договора в случае, если он являлся обязанным лицом по векселям либо выступал поручителем по ценным бумагам, на которых могла, например, быть выполнена запись об авале.

Исследовав документы, представленные истцом (электронную переписку, материалы уголовного дела), суды согласились с его доводами о том, что сделка не отвечала интересам банка, не отражалась в его учете, не имела требуемых реквизитов – печати покупателя, и является ничтожной в силу положений ст. 10, 168 ГК РФ.

Принимая обжалуемое постановление, суд кассационной инстанции указал на нарушение судами первой и апелляционной инстанций принципов равноправия и состязательности сторон; на то, что судами не исследовались все обстоятельства спора, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора, и не были созданы обеим сторонам условия для реализации и защиты процессуальных прав.

Вместе с тем, из обжалуемого судебного акта не усматривается, что суд округа установил несоответствие выводов судов первой и апелляционной инстанций по результатам рассмотрения спора фактическим обстоятельствам дела и имеющимся в деле доказательствам, неправильное применение нижестоящими судебными инстанциями норм материального права, признал неправомерным отказ суда апелляционной инстанции принять новые доказательства, представленные ответчиком, что могло повлечь отмену только постановления суда апелляционной инстанции (ч. 2 ст. 268, ч. 3 ст. 288 АПК РФ, абз. 5 п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 28.05.2009 № 36 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции"), в связи с чем ссылка суда кассационной инстанции на возможное (в отсутствие какой-либо аргументации) принятие

нижестоящими судами неправильных судебных актов в результате установленных данным судом нарушений норм процессуального права не может быть признана законной и обоснованной.

Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков.

[Определение ВС РФ от 07.05.2018 г. № 305-ЭС17-21627](#)

Не может быть отказано в привлечении к субсидиарной ответственности руководителя должника за непередачу конкурсному управляющему документации должника только на том основании, что контролирующее лицо бездоказательно указало на наличие отношений в части работы с дебиторской задолженностью между должником и иным лицом.

Предложение конкурсному управляющему самостоятельно истребовать у такого третьего лица документации должника свидетельствует о неверном распределении бремени доказывания.

В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении бывшего руководителя и единственного участника должника к субсидиарной ответственности в размере 55 093 653,04 руб.

Судом первой инстанции заявление управляющего удовлетворено, судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия приходит к выводу о необходимости отмены судебных актов судов апелляционной инстанции и округа по следующим основаниям.

Общество являлось управляющей организацией и оказывало услуги по управлению многоквартирными жилыми домами. Его руководителем и единственным участником в период с 03.12.2012 по 12.08.2015 являлся Павловский А.А.

Суд первой инстанции, удовлетворяя требование конкурсного управляющего, исходил из того, что Павловский А.А. передал управляющему лишь часть документации должника, при этом документы, подтверждающие дебиторскую задолженность, отраженную в бухгалтерском балансе за 2013 год, им не были переданы, что не позволило сформировать конкурсную массу и рассчитаться с кредиторами.

Суд первой инстанции отклонил ссылки Павловского А.А. на утрату документов вследствие залива, вызванного прорывом труб, как на основание освобождения бывшего руководителя от ответственности. Как указал суд, руководитель должен был принять все возможные меры, направленные на восстановление документов. Таких действий Павловский А.А. не совершил.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявленного требования, суд апелляционной инстанции исходил из того, что управляющий не доказал причинно-следственную связь между бездействием руководителя и неплатежеспособностью должника.

Кроме того, суд апелляционной инстанции констатировал наличие у должника агентского договора с ООО "Единый расчетный кассовый центр Щелково" (далее – расчетный центр), по которому последнее начисляло коммунальные платежи, вело лицевые счета граждан, отражая размер задолженности потребителей коммунальных услуг. Управляющий, как указал суд, обладал полномочиями по самостоятельному истребованию соответствующей информации в расчетном центре.

Между тем судами апелляционной инстанции и округа не учтено следующее.

В п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве (в настоящее время – пп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) закреплена презумпция наличия причинно-следственной связи между несостоятельностью должника и действиями (бездействием) контролирующего лица при передаче им документов бухгалтерского учета и (или) отчетности, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий общества, во исполнения п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве и п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве" дал суду пояснения относительно того, какие затруднения возникли вследствие ненадлежащего исполнения Павловским А.А. обязанности по передаче документации. Так, управляющий обращал внимание на то, что основным активом должника (исходя из специфики его деятельности) являлась дебиторская задолженность собственников (нанимателей) помещений по оплате коммунальных услуг. В бухгалтерском балансе общества за 2013 год общий размер дебиторской задолженности был отражен. Однако руководитель должника не представил ни

баланс за 2014 год, ни первичные документы по дебиторской задолженности. Это не позволило проследить изменения, касающиеся размера данной задолженности, осуществить мероприятия по ее взысканию.

Указанные доводы конкурсного управляющего соответствовали условиям упомянутой презумпции и бремя их опровержения в силу ст. 65 АПК РФ, а также разъяснений, приведенных в п. 24 постановления № 53, перешло на Павловского А.А.

Суды апелляционной инстанции и округа неверно распределили бремя доказывания.

Суд апелляционной инстанции не учел, что Павловский А.А. не представил доказательств заключения с расчетным центром агентского договора в 2012 – 2014 годах, не передал арбитражному управляющему отчеты агента по этим договорам, которые должны были составляться при наличии обязательственных отношений между обществом и расчетным центром.

Суд счел, что конкурсный управляющий не лишен возможности истребовать сведения о составе и размере дебиторской задолженности потребителей коммунальных услуг в расчетном центре. Однако соответствующие возражения управляющего судом апелляционной инстанции не были проверены. По мнению арбитражного управляющего, в настоящее время получить информацию в расчетном центре невозможно, поскольку данный центр является фактически недействующим юридическим лицом и на запросы управляющего не отвечает.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с документально неподтвержденными возражениями Павловского А.А., при отсутствии в материалах дела агентских договоров и отчетов агента к ним, ошибочно возложил негативные последствия неисполнения Павловским А.А. обязанности по доказыванию на конкурсного управляющего.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, сославшись на акт о заливе, не выяснил, какими независимыми источниками подтвержден залив документов.

В этой части судом также не учтена сложившаяся судебная практика по вопросу о передаче бывшим руководителем утраченной документации должника (постановление Президиума ВАС РФ от 06.11.2012 № 9127/12, пункт 24 постановления № 53). Так, суд апелляционной инстанции не проверил, каким образом обеспечивалась сохранность документов; явилась ли их гибель следствием ненадлежащего хранения либо совершения бывшим руководителем иных действий без должной заботы и осмотрительности.

Даже если согласиться с тем, что, действительно, имела место порча части документации по не зависящим от Павловского А.А. обстоятельствам, в такой ситуации добросовестный и разумный руководитель обязан был совершить действия по ее восстановлению (в частности, путем направления запросов о получении дубликатов документов в компетентные органы, взаимодействия с контрагентами для восстановления первичной документации и т.д.). Суд апелляционной инстанции не установил, какие меры предпринимались Павловским А.А. для восстановления документов.

[Определение ВС РФ от 11.05.2018 г. № 301-ЭС17-20419](#)

Не может быть отказано в удовлетворении требования о взыскании убытков с бывшего руководителя в пользу должника-банкрота в виде начисленных должнику сумм пени и штрафа за неисполнение им налоговых обязательств, на том основании, что должником соответствующие суммы пени и штрафа в связи с недостаточностью имущества реально не выплачены и выплачены быть не могут.

Искажение бывшим руководителем документации должника приводит к увеличению долговых обязательств последнего, подлежащих устранению путем взыскания с руководителя в пользу общества компенсации, размер которой определяется суммой привнесенных руководителем долгов и не зависит от того, как соотносятся активы общества с иными его обязательствами.

В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о взыскании убытков с бывшего руководителя должника. Требования управляющего основаны на том, что решением МИФНС, вынесенным по результатам проведенной в отношении должника выездной налоговой проверки за период с 01.01.2008 по 31.12.2010, ему доначислены налоги, начислены пени, должник привлечен к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения в виде штрафа.

Судами первой и апелляционной инстанции заявление управляющего удовлетворено частично. Судом округа в удовлетворении заявления управляющего отказано в полном объеме.

Судебная коллегия полагает необходимым оставить в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций.

Суды первой и апелляционной инстанций, частично удовлетворяя требование арбитражного управляющего о взыскании убытков, исходил из того, что необходимой причиной начисления пеней и привлечения общества к ответственности в виде штрафа послужили недобросовестные действия руководителя должника, допустившего намеренное искажение документации общества в целях занижения налогооблагаемой базы.

Суд округа, отказывая в удовлетворении требования арбитражного управляющего в этой части, счел, что на стороне общества реальный ущерб не возник, поскольку оно суммы пеней и штрафа фактически не уплатило и не сможет их выплатить в ходе конкурсного производства из-за недостаточности имущества для проведения расчетов с кредиторами.

Между тем судом округа не учтено следующее.

В рассматриваемом случае на разрешение суда первой инстанции в рамках дела о банкротстве был передан корпоративный спор по иску хозяйственного общества в лице конкурсного управляющего о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу его единоличным исполнительным органом (п. 53 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве").

Единоличный исполнительный орган отвечает перед юридическим лицом за причиненные убытки, если необходимой причиной их возникновения послужило недобросовестное и (или) неразумное осуществление руководителем возложенных на него полномочий (п. 3 ст. 53 ГК РФ, ст. 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью"). В частности, при привлечении юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора с такого руководителя могут быть взысканы понесенные юридическим лицом убытки. (п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица").

В рамках настоящего обособленного спора суды первой и апелляционной инстанций признали доказанными факты недобросовестного поведения руководителя и установили наличие причинно-следственной связи между этим его поведением и привлечением общества к ответственности в виде штрафа, дополнительным начислением ему пеней. Суды пришли к выводу о том, что при должном исполнении руководителем своих обязанностей соответствующие обязательства не возникли бы.

По делам о возмещении директорами убытков их размер определяется по общим правилам п. 2 ст. 15 ГК РФ (абз. 1 п. 6 постановления № 62): юридическое лицо, чье право нарушено, вправе требовать возмещения в том числе расходов, которые оно произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. Это означает, что в результате возмещения убытков хозяйственное общество должно быть поставлено в то положение, в котором оно находилось бы, если бы его право не было нарушено.

Применительно к рассматриваемому случаю до совершения руководителем действий, связанных с искажением документации, общество не имело долговых обязательств перед бюджетом по пеням и штрафу. Возврат общества в состояние, существовавшее до нарушения права, предполагает восстановление прежней структуры его баланса (пусть и отрицательной, но той, которая была бы без неправомерного вмешательства руководителя), то есть снижение за счет руководителя совокупного размера обязательств общества на сумму равную сумме дополнительных долгов по санкциям, возникших из-за действий этого руководителя. Поэтому бывший руководитель должен выплатить обществу денежную компенсацию. Размер данной компенсации определяется суммой привнесенных им долгов и не зависит от того, как соотносятся активы общества с иными его обязательствами.

[Определение ВС РФ от 16.05.2018 г. № 308-ЭС17-21222](#)

Не может быть отказано в привлечении к субсидиарной ответственности бывшего руководителя должника только на том формальном основании, что он осуществлял полномочия руководителя за пределами двухлетнего срока, установленного абз. 34 ст. 2 Закона о банкротстве (с 29.07.2017 г. – трехлетнего срока, установленного п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Руководитель, намеренными активными действиями препятствовавший своевременному возбуждению кредитором (уполномоченным органом) дела о банкротстве должника, подлежит признанию контролирующим должника лицом даже в случае, если его полномочия завершились

более чем за два года (абз. 34 ст. 2 Закона о банкротстве) либо три года (п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве, с 29.07.2017 г.) до принятия заявления о признании должника банкротом.

Уполномоченный орган в рамках дела о банкротстве общества обратился в суд с заявлением о привлечении четырех бывших руководителей должника к субсидиарной ответственности.

Судом первой инстанции с четырех бывших руководителей должника в конкурсную массу солидарно взысканы 1 258 902 940,74 руб. Судом апелляционной инстанции отказано в привлечении одного из руководителей к ответственности, судом округа отказано в привлечении еще одного из трех оставшихся руководителей к ответственности.

Судебная коллегия полагает необходимым оставить в силе постановление суда апелляционной инстанции.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, Клименченко С.В. являлся руководителем должника в период с 04.04.2011 по 14.03.2012.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что необходимой причиной банкротства должника стали виновные действия бывших руководителей, выразившиеся, в том числе в заключении мнимых сделок, искажении информации об обязательствах должника.

Окружной суд, освобождая Клименченко С.В. от ответственности, исходил из того, что его полномочия как руководителя общества прекратились за два года и два с половиной месяца до возбуждения производства по настоящему делу о банкротстве. Исходя из этого суд округа счел, что Клименченко С.В. ошибочно отнесен судами первой и апелляционной инстанций к числу контролирующих должника лиц (абз. 34 ст. 2 Закон о банкротстве (здесь и далее в редакции Закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ)), он не является субъектом субсидиарной ответственности, предусмотренной п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве.

Между тем судом округа не учтено следующее.

В период исполнения Клименченко С.В. полномочий руководителя общества в абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ и п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве содержалась норма о субсидиарной ответственности контролирующих организацию - должника лиц, в ситуации, когда их действия стали необходимой причиной банкротства (в настоящее время аналогичное правило закреплено в п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Двухлетний срок, ранее установленный абз. 34 ст. 2 Закона о банкротстве, направлен на исключение чрезмерной неопределенности в вопросе о правовом положении контролирующего лица в условиях, когда момент инициирования кредитором дела о банкротстве организации - должника зависящий, как правило, от воли самого кредитора значительно отдален по времени от момента, в который привлекаемое к ответственности лицо перестало осуществлять контроль.

Суд округа не принял во внимание, что контролирующее лицо, своими активными действиями воспрепятствовавшее своевременному возбуждению производства по делу о несостоятельности и тем самым изменившее начало течения подозрительного периода в свою пользу, не может рассматриваться в качестве субъекта, имеющего правомерные ожидания оградиться от применения мер субсидиарной ответственности по мотиву позднего возбуждения производства по указанному делу. Иной подход вступает в противоречие с конституционным запретом осуществления прав и свобод человека и гражданина вопреки правам и свободам других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации).

Поэтому в ситуации, когда кредитор объективно не имел возможности инициировать возбуждение дела о банкротстве по обстоятельствам, зависящим от самого контролирующего лица, последнее не вправе ссылаться на прекращение контроля над организацией - банкротом за пределами названного двухлетнего срока как на основание освобождения от ответственности (ст. 10 ГК РФ). Соответствующие ссылки свидетельствуют о недобросовестной попытке использования контролирующим лицом приведенного положения закона о двухлетнем сроке вопреки его смыслу и предназначению.

В рассматриваемом случае основанием для возбуждения производства по делу о банкротстве общества явилась выявленная в ходе выездной налоговой проверки недоимка по обязательным платежам, вынесено решение от 03.06.2011 о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. Должник в период осуществления Клименченко С.В. полномочий руководителя, подав одновременно с заявлением ходатайство о принятии обеспечительных мер в виде приостановления действия решения налогового органа.

Обеспечительные меры приняты судом первой инстанции и действовали вплоть до их отмены. Впоследствии Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа вновь принял обеспечительные

меры в виде частичного приостановления действия решения налоговой инспекции. Окончательным судебным актом, вступившим в законную силу, которым требование общества о недействительности решения налогового органа от 03.06.2011 было отклонено, стало постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2014.

С заявлением о признании общества банкротом ФНС России обратилась 27.03.2014, производство по настоящему делу о банкротстве общества возбуждено 27.05.2014.

Из содержания судебных актов по делу об оспаривании решения налогового органа и действовавших ранее правил о возможности возбуждения дела о банкротстве только на основании акта налогового органа, завершающего процесс принудительного исполнения (п. 3 ст. 6 Закона о банкротстве, п. 2 Положения о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в делах о банкротстве и в процедурах банкротства, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29.05.2004 № 257), следует, что активными действиями Клименченко С.В. создана ситуация, при которой уполномоченный орган длительное время объективно был лишен возможности принять решение о взыскании задолженности за счет имущества общества, без которого налоговая инспекция не могла по независящим от нее обстоятельствам инициировать возбуждение процедуры банкротства должника. При этом возникшие из-за действий Клименченко С.В. препятствия существовали более продолжительный период времени, чем тот, на который прекращение полномочий Клименченко С.В. как руководителя отстоит по времени от начала двухлетнего периода, предшествующего дню возбуждению дела о банкротстве общества.

При таких обстоятельствах, заявление Клименченко С.В. об утрате статуса контролирующего лица более чем за два года до возбуждения дела о банкротстве общества является злоупотреблением правом не быть привлеченным к ответственности, в связи с чем судебная коллегия отказывает в применении данного возражения (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Банкротство граждан.

[Определение ВС РФ от 17.05.2018 г. № 305-ЭС17-20073](#)

Финансовый управляющий вправе осуществлять корпоративные права должника-гражданина (принимать решения на собраниях участников, принимать решения в качестве единственного участника, участвовать в формировании единоличного исполнительного органа (прекращать полномочия, избирать) в обществах, участником в которых является гражданин-должник) – в том числе до формирования реестра требований кредиторов.

При осуществлении корпоративных прав должника финансовый управляющий обязан действовать в интересах подконтрольного лица разумно и добросовестно. Действуя подобным образом, когда должник является единственным участником общества, управляющий тем самым исполняет аналогичную обязанность по отношению и к его кредиторам.

При рассмотрении заявления об отстранении управляющего судам надлежит установить, были ли действиями управляющего причинены убытки должнику, а также проверить доводы иных участвующих в деле лиц о недобросовестности управляющего (в том числе доводы о том, что при реализации корпоративных прав финансовый управляющий действовал в интересах конкурента должника).

В рамках дела о банкротстве Климчука А.В. последний обратился с жалобой на действия финансового управляющего и ходатайством об отстранении его от исполнения обязанностей.

Судами трех инстанций жалоба удовлетворена частично, признаны незаконными действия и бездействие финансового управляющего Бодрова Е.А., выразившиеся в непринятии мер по обеспечению сохранности имущества должника, а также принятии решений от 31.10.2016 и от 16.12.2016 об освобождении должника-гражданина от должностей генерального директора ряда обществ с ограниченной ответственностью и назначении на данные должности Исаенкова В.Н. Управляющий отстранен от исполнения обязанностей.

Судебная коллегия полагает подлежащими отмене судебные акты по настоящему спору.

Признав допущенные управляющим нарушения существенными, суды отстранили управляющего от исполнения обязанностей.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу того, что финансовый управляющий осуществляет права участника организации, принадлежащие должнику (абз. 4 п. 6 ст. 213.25 Закона о банкротстве), он имеет безусловное право на выражение волеизъявления относительно кандидатуры единоличного исполнительного органа такой организации (пп. 4 п. 2 ст. 33 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью").

Предоставление финансовому управляющему такого объема прав в отношении признанного банкротом гражданина-должника направлено, в том числе на обеспечение защиты имущества последнего и предотвращение ситуаций, когда должник с учетом принадлежащей ему доли в обществе, используя свое право на управление его делами, совершает недобросовестные действия по отчуждению имущества этого общества, направленные на уменьшение конкурсной массы и причинение вреда своим кредиторам.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание следующее. Если должник до банкротства в связи с наличием у него прав участия (например, будучи единственным или доминирующим участником) в обществе являлся контролирующим его лицом, то осуществление финансовым управляющим должника прав последнего по управлению обществом фактически означает, что к нему переходит и контроль над этим обществом. В силу п. 3 ст. 53.1 ГК РФ такой управляющий обязан действовать в интересах подконтрольного лица разумно и добросовестно. Действуя подобным образом в ситуации, когда должник является единственным участником общества, управляющий тем самым исполняет аналогичную обязанность (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве) по отношению к самому должнику и его кредиторам.

В рассматриваемом случае, производя замену исполнительных органов в подконтрольных должника-гражданину обществах, управляющий должен был учитывать их интересы, основной целью которых является извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ).

Мотивируя свое решение о смене директоров, управляющий при рассмотрении настоящего обособленного спора отмечал, что их предшественники осуществляли активные действия по выводу и сокрытию активов обществ, не предоставляя актуальную информацию о реальном положении дел в обществах и их текущей хозяйственной деятельности. В итоге это негативно влияло на стоимость конкурсной массы должника. При этом финансовый управляющий ссылался на конкретные факты: создание фиктивной задолженности по договорам, даты которых не соответствовали реальным датам их подписания, обременение в обеспечение названной задолженности недвижимого имущества обществ и т.п.

В опровержение довода о непринятии мер по обеспечению сохранности имущества должника управляющий указывал на доказательства направления запроса должнику и в компетентные органы с требованием предоставить перечень принадлежащего должнику имущества. Должник от предоставления соответствующих сведений уклонился. Кроме этого, совершил действия по отчуждению долей в дочерних обществах в пользу супруги, продаже квартиры в пользу брата, продаже земельного участка в пользу отца супруги. Впоследствии названные сделки признаны судом недействительными. Данные доводы оставлены судами без внимания.

Также оставлены без внимания доводы самого должника-гражданина о том, что арбитражный управляющий действовал исключительно в интересах его конкурента по бизнесу (конкурсного кредитора по настоящему делу), поскольку назначенные в обществах руководители фактически заблокировали осуществление хозяйственной деятельности (выставили охрану, ограничив допуск работников в служебные помещения), при этом производят вывод активов обществ на лиц, подконтрольных конкуренту-кредитору.

Обязательным условием для отстранения финансового управляющего в связи с удовлетворением жалобы лица, участвующего в деле о банкротстве, является доказанность наличия убытков у должника либо его кредиторов или возможность причинения (возникновения) таковых (п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 "Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих").

Наличие убытков у должника либо его кредиторов или возможность их причинения (возникновения) суды не проверили.

Банкротство застройщиков.

[Определение ВС РФ от 07.05.2018 г. № 306-ЭС15-3282](#)

Физическому лицу не может быть отказано во включении в соответствующий реестр требования о передаче жилого помещения, приобретенного им у подрядчика, выполнившего в пользу

застройщика работы и согласовавшего с таким застройщиком исполнение встречного обязательства за выполненные работы путем передачи подрядчику соответствующего жилого помещения (в составе других жилых помещений), на том основании, что между подрядчиком и застройщиком не подписывался акт приема-передачи соответствующего жилого помещения.

При рассмотрении заявления о включении подобного требования в реестр требований о передаче жилых помещений имеет значение исполнение обязательств подрядчиком перед застройщиком, исполнение денежных обязательств участника строительства перед подрядчиком.

При этом суду, рассматривающему дело о банкротстве застройщика, следует учитывать выводы суда общей юрисдикции, сделанные последним применительно к рассмотрению схожих споров при схожих обстоятельствах, даже если в таких спорах участвовали иные лица.

Фирма-застройщик (заказчик) заключила с подрядчиком договор от 12.02.2011, согласно которому подрядчик обязался построить многоквартирный дом, а заказчик - оплатить результат работ преимущественно передачей прав на площади в жилом доме по согласованной сторонами цене квадратного метра.

Подрядчик заключил договор от 12.10.2011 с Абдрахмановой А.Р., согласно которому обязался обеспечить передачу в собственность Абдрахмановой А.Р. квартиры № 58 в указанном жилом доме. Свои обязательства по оплате указанное физическое лицо полностью исполнило, однако квартира в собственность передана не была, несмотря на то, что дом был завершен строительством и сдан фирме-заказчику.

При новом рассмотрении требования Абдрахмановой А.Р. о включении ее требования о передаче оплаченной ею квартиры в реестр требований должника о передаче жилых помещений конкурсный управляющий фирмы заявил о признании недействительным договора, заключенного подрядчиком с Абдрахмановой А.Р. Суд первой инстанции удовлетворил заявление Абдрахмановой А.Р., включил ее требования в реестр. Суды апелляционной инстанции и округа удовлетворили заявление управляющего, отказав Абдрахмановой А.Р. во включении ее требований в реестр.

Судебная коллегия полагает подлежащими отмене судебные акты судов апелляционной инстанции и округа.

Исходя из пп. 9 п. 6 ст. 201.1, п. 1 ст. 201.6 Закона о банкротстве, п. 1 ст. 100, п. 2 ст. 201.6 Закона о банкротстве в действующий в спорный период редакции право на квартиру в построенном фирмой жилом доме могло быть подтверждено наличием у фирмы обязательства перед Абдрахмановой А.Р. по передаче жилого помещения и исполнением Абдрахмановой А.Р. встречного обязательства перед фирмой. При этом правовая связь между этими лицами могла быть как непосредственной, так и опосредованной отношениями с третьими лицами. В последнем случае в предмет судебного исследования попадали обстоятельства совершения цепочки сделок (в данном случае исполнение подрядных обязательств по договору от 12.02.2011 и финансовое обязательство по договору от 12.10.2011). Следовательно, вывод апелляционного суда о том, что доказательства выполнения подрядных работ Подрядчиком не имеют правового значения, неверен.

В договоре от 12.02.2011 предусматривалось определение стоимости работ по фактически выполненным объемам и согласованным сторонами сметным расценкам, а оплата – в том числе передачей прав на площади в жилом доме по оговоренной цене квадратного метра. В связи с этим договор от 12.02.2011 квалифицируется как смешанный (п. 3 ст. 421 ГК РФ) и к обязательству по передаче помещений подлежали применению правила о купле-продаже будущей недвижимой вещи (п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 "О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем").

С выполнением Подрядчиком своих подрядных обязательств, у фирмы возникло обязательство по встречному предоставлению подрядчику – оплате обусловленной цены (п. 1 ст. 740, ст. 746 ГК РФ).

В порядке встречного предоставления фирма согласовала передачу подрядчику квартир в жилом доме, в частности квартиры № 58. Вступившим в законную силу до рассмотрения по существу данного обособленного спора решением суда общей юрисдикции при схожих обстоятельствах подобная передача признана состоявшейся. Вне зависимости от состава лиц, участвующих в разрешении данного обособленного спора, оценка, данная судом обстоятельствам, которые установлены в деле, рассмотренном ранее, должна учитываться судом, рассматривающим второе дело. Если суд, рассматривающий второй спор, придет к иным выводам, он должен указать соответствующие мотивы. Данные разъяснения направлены на реализацию

принципов стабильности и непротиворечивости судебных актов (п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 "О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств", п. 4 постановления Пленума ВАС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав").

Вопреки указанным разъяснениям апелляция и окружной суды, придя к иным выводам, не указали мотивы, по которым один и тот же порядок согласования расчетов путем передачи квартир действителен в отношении одних квартир и недействителен в отношении квартиры № 58. Такой подход ведет к правовой неопределенности, противоречит задачам судопроизводства в арбитражных судах (п. 4, 5 ст. 2 АПК РФ) и нарушает конституционный принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации).

При наличии прочих доказательств передачи права на квартиру № 58 отсутствие акта приема-передачи этой квартиры не может быть достаточным основанием для вывода о не переданном праве. К тому же акт приема-передачи квартиры не мог быть составлен, так как к моменту расчетов за выполненные работы квартира еще не существовала как вещь. В то же время право требования передачи будущей вещи могло быть зафиксировано фирмой и подрядчиком, что они и сделали.

Получив право требования будущей квартиры № 58, подрядчик имел возможность понудить продавца к исполнению обязательства по ее передаче (ст. 398 ГК РФ), и при соблюдении прочих условий такой иск подлежал бы удовлетворению (п. 5 постановления № 54). Однако, подрядчик распорядился своим правом на будущую вещь иначе, фактически уступив его Абдрахмановой А.Р. по договору от 12.10.2011. Индивидуализация предмета договоров от 12.02.2011 и от 12.10.2011 совпадала и в достаточной степени обеспечивалась указанием адреса жилого дома, строительного номера квартиры и ее площади. В этой связи оснований для признания договора от 12.10.2011 ничтожным у судов не имелось.

Поскольку подрядчик был вправе требовать у фирмы передачи квартиры № 58, так как работы по заказу фирмы выполнены и сданы, но уступил это право Абдрахмановой А.Р., то последняя по существу заменила подрядчика в обязательстве с фирмой.

Прочие вопросы.

[Определение ВС РФ от 07.05.2018 г. № 305-ЭС17-16841\(12\)](#)

Учитывая публичность и социальную направленность нотариальных действий по принятию нотариусом денег в депозит, федеральный законодатель счел необходимым предоставить особую правовую защиту кредиторам, денежные средства которых находились на депозитном счете нотариуса в случае банкротства банка, в котором открыт такой счет. Так как безналичные денежные средства кредитными организациями никоим образом не обособляются на специальных корреспондентских счетах и после их зачисления наряду со средствами иных клиентов они используются для ведения обычной банковской деятельности, в том числе кредитования, по сути остатки по депозитным счетам представляют собой лишь записи в учетных регистрах кредитной организации. Поэтому действующий с 29.12.2015 п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве (в редакции п. 7 ст. 12 Закона N 391-ФЗ), который говорит об исключении из конкурсной массы банкротящегося банка денежных средств, депонированных на открытых в этом банке депозитных счетах нотариусов, на самом деле вопреки буквальному смыслу данной нормы не исключает имущество из конкурсной массы, а по существу изменяет очередность удовлетворения требований кредиторов. Кредиторам, денежные средства которых находятся на депозитном счете нотариуса, предоставлен приоритет. Признаки неконституционности в предоставлении приоритета отсутствуют.

Положения п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве в редакции Закона № 391-ФЗ подлежат применению к денежным средствам, внесенным на депозит нотариуса в кредитной организации, дело о банкротстве которой возбуждено после даты вступления в силу Закона № 391-ФЗ (29.12.2015 г.), даже если сами денежные средства были размещены на депозитном счете ранее этой даты.

25.06.2014 нотариус открыл в банке депозитный счет нотариуса, после чего на него были зачислены денежные средства.

24.02.2016 арбитражным судом возбуждено дело о банкротстве банка, а решением суда от 07.04.2016 банк признан банкротом. К моменту возбуждения дела о банкротстве банка на депозитном счете находилось 69 279 918,42 руб., внесенные до 24.12.2015.

08.04.2016 нотариус потребовал у АСВ исключить находящиеся на депозитном счете денежные средства из конкурсной массы и перечислить их на депозитный счет нотариуса, открытый в другом банке. Требование нотариуса основывалось на ст. 189.91 Закона о банкротстве в редакции ФЗ от 29.12.2015 № 391-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (далее – Закон № 391-ФЗ).

Письмом от 12.05.2016 АСВ отказало в удовлетворении требования нотариуса, указав на возможность предъявления требований к банку в соответствии с реестром требований его кредиторов в рамках дела о банкротстве банка.

Нотариус направил агентству требование от 24.05.2016 об исключении имущества из конкурсной массы и просил считать поданное заявление как направленное на включение требований в реестр требований кредиторов банка. Требование нотариуса включено в третью очередь реестра требований кредиторов банка в размере 69 279 918,42 руб., о чем агентство уведомило нотариуса письмом от 15.07.2016.

Ссылаясь на неправомерность отказа от 12.05.2016, нотариус обратился в суд с заявлением об исключении из конкурсной массы должника 69 279 918,42 руб., находящихся на депозитном счете.

Судом первой инстанции заявление нотариуса удовлетворено. Судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении заявления нотариусу отказано.

Апелляционный суд пришел к выводу об отсутствии оснований для применения п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве в редакции Закона № 391-ФЗ, а прежняя редакция закона не позволяла исключать из конкурсной массы банка денежные средства, находившиеся на депозитном счете нотариуса.

Агентство указало на неконституционность как положений п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве, так и вводных законов (Законов № 391-ФЗ и № 360-ФЗ). По его мнению, предоставление без наличия на то достаточных оснований кредиторам банка, чьи денежные средства хранились на депозитном счете нотариуса, существенно больших прав по сравнению со всеми прочими кредиторами банка, в том числе наделенными повышенными правовыми гарантиями в иерархии социальных ценностей, противоречит принципу равной правовой защиты. Придание обратной силы этой норме предоставило привилегии одним лицам, имеющим признаки недобросовестности, за счет других, не нарушивших закон. К тому же у банка фактически "задним числом" изъята его собственность.

Судебная коллегия полагает подлежащими отмене судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций.

Банкротство банка предполагает недостаточность его имущества для удовлетворения всех требований кредиторов, в связи с чем законодательством установлена очередность исполнения обязательств должника (ст. 189.92 Закона о банкротстве), учитывающая наряду с иными обстоятельствами социальные факторы.

Публично-правовые функции по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц законодательством возлагаются, помимо прочего, на нотариусов.

К нотариальным действиям относится, в частности, принятие в депозит денежных сумм для передачи их кредитору, если обязательство не может быть исполнено должником, в том числе по независящим от кредитора обстоятельствам (п. 12 ст. 35, ст. 87 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, ст. 327 ГК РФ).

Учитывая публичность и социальную направленность указанных нотариальных действий, федеральный законодатель счел необходимым предоставить особую правовую защиту кредиторам, денежные средства которых находились на депозитном счете нотариуса. Эти безналичные денежные средства кредитными организациями никоим образом не обособлялись на специальных корреспондентских счетах. После их зачисления наряду со средствами иных клиентов они использовались для ведения обычной банковской деятельности, в том числе кредитования, и по сути остатки по депозитным счетам представляют собой лишь записи в учетных регистрах кредитной организации. Поэтому действующий с 29.12.2015 п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве (в редакции п. 7 ст. 12 Закона № 391-ФЗ) не исключил имущество из конкурсной массы, а по существу изменил очередность удовлетворения требований кредиторов. Кредиторам, денежные средства которых находились на депозитном счете нотариуса, предоставлен приоритет.

Согласно ч. 18.1 ст. 23 Закона № 391-ФЗ новая редакция п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве применяется к денежным средствам, внесенным на депозитный счет нотариуса в кредитной организации, в

отношении которой возбуждено дело о банкротстве после дня вступления в силу настоящего Федерального закона. Буквальное толкование этой нормы указывает на то, что под "настоящим Федеральным законом" понимается Закон № 391-ФЗ, который вступил в силу 29.12.2015.

Дело о банкротстве банка возбуждено 24.02.2016, следовательно, к денежным средствам, находившимся на депозитном счете нотариуса, применим п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве в редакции Закона № 391-ФЗ.

[Определение ВС РФ от 21.06.2018 г. № 306-ЭС16-14132 \(3\)](#)

На реестровые требования работников должника по основному долгу не распространяются положения о компенсации потерь, вызванных просрочкой исполнения, через механизм начисления мораторных процентов. Вместо этого на требования работников по основному долгу начисляются проценты в соответствии с трудовым законодательством, которые удовлетворяются в составе требований кредиторов второй очереди.

Для получения работниками указанных процентов не требуется ни предварительного письменного обращения работников, ни заявления соответствующего требования к конкурсному управляющему как к представителю работодателя. Судебный акт о начислении суммы процентов не выносится, в реестр требований кредиторов они не включаются. Эти суммы исчисляются самим арбитражным управляющим при расчетах с кредиторами и погашаются им одновременно с погашением основных требований работников до расчетов с реестровыми кредиторами третьей очереди удовлетворения.

В таком же порядке исчисляются и погашаются в составе текущих требований кредиторов второй очереди удовлетворения проценты за задержку выплаты текущей заработной платы и других текущих платежей, причитающихся работникам.

В рамках дела о банкротстве "Дома печати" представители работников должника Гнедков С.Н. и Широкова О.В. обратились в арбитражный суд с жалобой на бездействие конкурсного управляющего Лариной О.М., выразившиеся в неначислении процентов на сумму своевременно невыплаченной работникам должника заработной платы, в которой также просили суд обязать арбитражного управляющего начислить и выплатить проценты.

Судами трех инстанций в удовлетворении жалобы отказано.

Судебная коллегия считает, что определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и усматривается из материалов дела, решением от 29.03.2013 в отношении "Дома печати" введена процедура конкурсного производства. Определением того же суда от 28.11.2016 конкурсным управляющим утверждена Ларина О.М.

Сведения об очередности и размере требований работников "Дома печати" по основному долгу были внесены в реестр требований кредиторов в 2010 и 2013 годах. При этом между работниками и арбитражным управляющим не возникло каких-либо разногласий относительно основной задолженности по оплате труда лиц, работавших по трудовым договорам.

Обращаясь в суд с жалобой на бездействие конкурсного управляющего Лариной О.М., представители работников сослались на то, что по договору купли-продажи от 06.02.2017 реализовано принадлежащее должнику имущество, на счет "Дома печати" поступила выручка в размере 96 908 000 руб. По мнению представителей работников, конкурсный управляющий в связи с задержкой выплаты заработной платы был обязан самостоятельно исчислить проценты и погасить за счет выручки от реализации имущества "Дома печати" не только основной долг по заработной плате, но и проценты. Такие действия арбитражный управляющий не совершил.

Суды установили, что при проведении расчетов с кредиторами бывшим работникам "Дома печати" конкурсным управляющим Лариной О.М. выплачена текущая задолженность по основному долгу в размере 8 315 313,40 руб. и реестровая – в размере 8 092 072,11 руб., также лишь по основному долгу.

Отказывая в удовлетворении жалобы представителей работников должника, суды исходили из того, что работникам не причитаются проценты, предусмотренные п. 2.1 ст. 126 Закона о банкротстве.

Суды сочли, что требование о выплате процентов является по своей сути требованием о возмещении убытков, поэтому оно подлежало включению в реестр требований кредиторов должника в порядке,

установленном Законом о банкротстве. Кроме того, суды констатировали отсутствие в материалах дела доказательств обращения работников до подачи жалобы по настоящему спору к конкурсному управляющему должником с заявлениями о выплате процентов.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно Закону о банкротстве на реестровые требования работников по основному долгу не распространяются положения о компенсации потерь, вызванных просрочкой исполнения, через механизм начисления мораторных процентов (п. 4 ст. 63, п. 2 ст. 81, абз. 4 п. 2 ст. 95 и п. 2.1 ст. 126 Закона о банкротстве).

Вместо этого в силу привилегированного положения трудящихся федеральный законодатель в п. 1 ст. 136 Закона о банкротстве установил особые правила о компенсациях, причитающихся работникам в связи с нарушением установленных трудовым законодательством сроков выплат: на требования работников по основному долгу начисляются проценты в соответствии с трудовым законодательством, которые удовлетворяются в составе требований кредиторов второй очереди.

Размер указанных процентов определен ст. 236 ТК РФ.

По смыслу ст. 136 Закона о банкротстве и ст. 236 ТК РФ для получения процентов (денежной компенсации) не требуется ни предварительного письменного обращения работников к конкурсному управляющему как к представителю работодателя, ни предъявления ими соответствующих требований в порядке ст. 71 или 100 Закона о банкротстве. Судебный акт о начислении суммы процентов не выносится, в реестр требований кредиторов они не включаются. Эти суммы исчисляются самим арбитражным управляющим при расчетах с кредиторами и погашаются им одновременно с погашением основных требований работников до расчетов с реестровыми кредиторами третьей очереди удовлетворения.

В таком же порядке исчисляются и погашаются в составе текущих требований кредиторов второй очереди удовлетворения проценты, предусмотренные ст. 236 ТК РФ, за задержку выплаты текущей заработной платы и других текущих платежей, причитающихся работникам (п. 2 ст. 134, п. 1 ст. 136 Закона о банкротстве, п. 1 ст. 6 ГК РФ).

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий Ларина О.М., приступив к расчетам с кредиторами, не исчислила сумму процентов ни в отношении текущих, ни в отношении реестровых требований работников, проценты им не выплатила. При этом участвующие в обособленном споре лица, в том числе арбитражный управляющий, признают факт частичного погашения Лариной О.М. за счет выручки от реализации имущества "Дома печати" требований реестровых кредиторов третьей очереди удовлетворения, что свидетельствует о нарушении ею очередности удовлетворения требований, предусмотренной законодательством о несостоятельности.

С учетом изложенного бездействие конкурсного управляющего домом печати, выразившееся в неначислении и невыплате бывшим работникам должника процентов (денежной компенсации), предусмотренных ст. 236 ТК РФ, следовало признать незаконным.

По требованию о понуждении конкурсного управляющего исчислить и выплатить проценты производство подлежит прекращению применительно к п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ ввиду объективной невозможности его рассмотрения по причине завершения процедуры банкротства "Дома печати" и внесения записи об исключении должника из ЕГРЮЛ.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Монографии

[Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии \(Статут, 2018\)](#)

2. Статьи

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Май

[Данилов Д. Кредитор оспаривает сделку с предпочтением. Три аргумента должника для сохранения сделки в силе](#)

Июнь

[Мельникова К. Кредитор пропустил срок для включения в реестр. Пять ситуаций, когда удастся его восстановить](#)

[Мороз А.И. Дело о взыскании 1,4 млрд рублей с директора за неподачу заявления о банкротстве](#)

Журнал "Юрист компании"

Июнь

[Громов А. Подрядчик банкротится. Когда суд защитит деньги заказчика](#)

[Савосько С. Арест имущества контрагента-банкрота. Когда просить об обеспечении](#)

Журнал "Вестник экономического правосудия РФ"

Май

[Ломакина П.А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них](#)

[Белоусов И.А. Подчинение требований по займам участников корпорации в деле о банкротстве](#)

Июнь

[Мороз А.И. Новый подход ВС РФ к исчислению срока исковой давности](#)

[Правящий П.А. Доход от использования заложенного имущества: обзор практики применения п. 2 ст.](#)

[334 ГК РФ](#)

Журнал "Закон"

Май

[Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы](#)

Журнал "Хозяйство и право"

№ 6

[Османова Д. Применение концепции злоупотребления правом при внеконкурсном оспаривании сделок должника](#)

3. Блоги

[Белов И. Кассовый метод исчисления НДФЛ против требований кредиторов в банкротстве гражданина](#)
[Егоров А. Какая страшная беда — неточные мотивировки судебных актов. Пусть и в погоне за справедливым решением. Президиум ВАС РФ № 219/12 \(исковая при субсидиарке\)](#)

[Зазулин А. Статья 34 СК РФ против статьи 365 ГК РФ: банкротные коллизии](#)

[Курбанов Б. Ответственность налогового консультанта за убытки, вызванные несвоевременной подачей должником заявления о банкротстве](#)

[Мельникова К. Когда не получится восстановить срок на включение требования в реестр](#)

[Мельникова К. О праве представителя учредителей должника на обжалование судебных актов, вынесенных вне рамок дела о банкротстве](#)

[Мельникова К. Случаи, когда суд восстановит срок на включение в реестр требований кредиторов. Часть 1-Часть 5](#)

[Морозов М. Административные штрафы: учитываются ли они при определении признаков банкротства](#)

[Морозов С. По стопам Верховного суда: развитие позиции ВС РФ о недопустимости включения в реестр кредиторов требований из корпоративных займов в практике арбитражных судов округа](#)

[Остроумов И. Как кредитору доказать, что имущества должника недостаточно для осуществления расходов по делу о банкротстве, не назначая арбитражного управляющего?](#)

[Петров Е. Личное банкротство наследника по требованию кредитора наследодателя. "За" и "против"](#)

[Пешкова Е. Практика ВС // Взыскание убытков с ГД в рамках дела о банкротстве \(налоговые санкции\)](#)

[Пешкова Е. Практика ВС РФ// Процессуальные вопросы рассмотрения требований кредиторов в рамках дел о банкротстве физлиц \(определение от 21.05.2018 с участием "Альфа-Банк" и Верещакова Г.В.\)](#)

[Постильга А. Верховный суд о правах работников при расчетах с кредиторами](#)

[Постильга А. Заявление о банкротстве: поручитель или основной должник? К кому с начала?](#)
[Просвирин А. Можно ли признать право собственности на квартиру по ДДУ, не прошедшему государственную регистрацию в рамках процедуры банкротства застройщика?](#)
[Салмаков Д. О правах лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности](#)
[Саркисян А. Займы контролирующих лиц должника: попытка осмысления и возможные пути развития](#)
[Стасюк И. Замечания к делам «Красный квадрат» и «Спектрстрой». О допустимости оспаривания зачета как сделки с предпочтением](#)
[Стасюк И. К вопросу о заявлении будущих требований в деле о банкротстве \(дело ФНС vs Владимир-ОПТОН\)](#)
[Суворов Е. Поручительство и пассивная солидарная множественность: смешение как способ лишения поручителя возражений](#)
[Суворов Е. Управление банкротством: постановка проблемы и предложения](#)
[Тай Ю. To be or not to be? Разве только в этом вопрос?! Или еще раз о субординации требований в банкротстве](#)

* * *

Ответственный редактор Дайджеста:

Алексей Мороз,
адвокат, магистр частного права (РШЧП), к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

Редакторы:

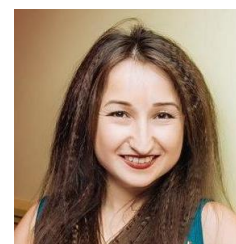
Татьяна Иванова
(юрист, АБ "Эксиора")

Дарья Нюхалкина
(юрист, АБ "Эксиора")

Гульнара Исмагилова
(юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру)

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)
С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).
Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"
<http://www.m-logos.ru>
E-Mail: digest@m-logos.ru
Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"
<http://exiora.ru>
E-Mail: info@exiora.ru
Тел.+7 (495) 762-62-44